

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 19

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 42 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложаній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 14-го мая 1905 г.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 30.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 Г. Съ приложеніемъ **40 КНИГЪ** „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ: и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Ришельевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою
во всѣ мѣстности
Россіи. . . .

8 р. 3а
гра-
нцу. 12 р.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1/2 года съ доставкою въ СПБ. 4 р., съ перес. во всѣ мѣста Россіи 4 р.; на 1/4 года съ доставкою въ СПБ. 2 р., съ перес. иногороднымъ 2 р.

Волченокъ.

Повѣсть
П. П. Гнѣдича.

(Продолженіе).

VI.

Часа чрезъ полтора, Троцкій, поднимаясь съ огаркомъ восковой свѣчки въ свою «мансарду», думалъ:—а что мальчишка: дома или нѣтъ? Съ одной стороны ему хотѣлось,

чтобъ Петька заблудился и пропалъ въ туманѣ такъ же неожиданно, какъ неожиданно изъ него вынырнулъ. А съ другой стороны, онъ уже чувствовалъ какую-то связь съ найденышемъ; слѣпой случай, столкнувшій ихъ,

Коровница. Бронзовая группа Е. Шмидтъ-Кестнеръ. авт. «Нивы».

казался какимъ-то предопредѣленіемъ, чѣмъ-то нужнымъ, неизбѣжнымъ. Когда судьба такъ сталкиваетъ людей, они нерѣдко остаются связанными на всю жизнь, и чувствуютъ себя ближе, чѣмъ кровные родственники. Вообще Троцкій плохо вѣрилъ въ родственныя узы. За примѣромъ ему ходить было недалеко: его дядя, Андрей Ивановичъ, терпѣть не могъ всѣхъ своихъ близкихъ, и особенно родныхъ братьевъ. Примѣръ перваго братства на землѣ — Каина и Авеля — вообще оказался заразительнымъ, — а продажа братьями Иосифа была только началомъ всѣхъ дальнѣйшихъ предательствъ. Андрей Ивановичъ особенно недолюбливалъ своего брата, Петра Ивановича, доктора, который имѣлъ слабость къ запою, что, впрочемъ, ему не мѣшало жестоко язвить Андрея Ивановича. Братья до того ненавидѣли другъ друга, что ихъ кидало въ жаръ и холодъ при одномъ упоминаніи ихъ имени. Андрей Ивановичъ всегда говорилъ про брата:

— Лѣкаришка! Пьяная спринцовка, глухой ревень!

А Петръ Ивановичъ въ свой чередъ аттестовалъ брата:

— Андрей — фари́сей, вѣдь онъ архи-скряга. Земля его терпитъ только по недоразумѣнію: почетный гражданинъ Содомы и Гоморры.

Рознь эта была у братьевъ съ самаго нѣжнаго дѣтства. Между ними разни́ца была одинъ годъ, и когда ихъ вмѣстѣ купали въ одной ваннѣ, уже тогда они вѣсплялись другъ другу въ волосы и неистово визжали. Въ гимназіи эта рознь еще болѣе обострилась, въ виду того, что Петръ былъ мальчикъ острый и развитой, а Андрей все свое остроуміе изливалъ въ карикатурахъ на учителей. Въ результатѣ Андрея исключили изъ гимназіи за портретъ директора, сдѣланный мѣломъ на доскѣ, и онъ пошелъ по художественной части. Былъ періодъ, когда Петръ обогналъ брата: когда онъ кончилъ врачомъ, а братъ — девятый годъ корпѣлъ въ академіи надъ программой. Но потомъ Андрей взялъ свое: онъ былъ «его превосходительство», носилъ поверхъ штатга мундира красную ленту, а Петръ былъ только статскій совѣтникъ, имѣлъ Станислава и пряжку. Воспоминаніе о Петрѣ Ивановичѣ заставило Троцкаго остановиться.

«А не обратиться ли къ нему? — подумалъ онъ. — Дядя Петя — человекъ душевный. Можетъ, онъ своего тезку и приметъ. Жена его тоже баба добрая, ребятъ нѣтъ».

Въ эту минуту онъ достигъ своей двери. Послѣ четвертаго звонка зашлепали ноги, и дѣвочка впустила жильца въ двери.

— Петя пришелъ? — спросилъ онъ.

— Чего такого? — отозвалась дѣвочка.

— Дома, говорю, мальчишка-то?

— Спитъ на полу въ коридорѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, у самой его двери, на полу, съ курткой подъ головой, спалъ Петя. Голова его откатилась. Густыя черныя рѣсницы слегка вздрагивали сквозь сонъ. Онъ спалъ въ тѣхъ же своихъ панталонахъ, въ которыхъ шеголялъ весь день.

«Ну, и чудесно, что пришелъ», — подумалъ Троцкій.

Онъ вошелъ къ себѣ, зажегъ лампу и сталъ ходить по комнатѣ.

«И пускай живетъ, — думалъ онъ. — Пусть никто не беретъ. Все же можно чего-нибудь добиться. Надо его сводить завтра въ баню, да купить ему что-нибудь... Нельзя же въ лохмотьяхъ».

Онъ вытащилъ портмонэ и началъ считать.

— Три семь гривенъ! — насчиталъ онъ. — Да сорокъ копеекъ долженъ Волосовъ. Итого — четыре рубля десять.

Онъ сжалъ губы и задумался.

— Надо поговорить съ нашей патронессой, — рѣшилъ онъ и вышелъ опять въ коридоръ.

Пройдя двѣ двери, онъ постучалъ тихонько въ косякъ.

— Ой, кто это! — раздался окликъ.

— Это я, — стараясь говорить негромко, сказала Троцкій. — Можно къ вамъ на минутку?

— Да что это вы! Я васъ у себя принять не могу. Я волосы расчесываю. Только-что изъ бани.

— Почтенная домоправительница, если не у васъ, такъ, можетъ, ко мнѣ зайдете?

— Еще лучше. Срамникъ вы! Вѣдь я дѣвица, сами знаете, въ какой діоганали я себя держу.

— Ну, хоть въ коридоръ.

— Подождите, платокъ накину.

Она накинула платокъ и появилась на порогѣ съ распущенными по плечамъ жидкими косицами.

— Совсѣмъ ангель! — замѣтилъ художникъ.

Она хихикнула.

— Оставьте эти детали. Что надо? — Я завтра къ ранней обѣднѣ иду, спать хочу лечь.

— Да я все насчетъ моего подкидыша.

— А онъ, знаете, ловкій. Онъ у меня въ кухнѣ полъ вымылъ. Я ему старую ватрушку дала. Упелъ. А только въ баню его безпремѣнно надо завтра съ дворникомъ отправить, — отъ него мышью пахнетъ.

— Вотъ, вотъ, я за этимъ дѣломъ... Да зайдите ко мнѣ, никто васъ не осудитъ.

— Охъ, ужъ вы, — зажеманилась она: — всегда резонъ найдете.

— Слушайте, — заговорилъ онъ, когда она усѣлась у его стола, подпершись бѣлымъ сдобнымъ локтемъ. — Я сейчасъ произвелъ ревизію своей кассы. Растрата ужасающая, — наличность минимальная.

— Да, вашихъ наличностей не на много хватить, — подтвердила она.

— А между тѣмъ, Елена Ивановна, вѣдь нельзя же этого отрока оставить на произволъ судьбы? Жалко.

— Ежели по христіанству, то оно, конечно, жалко. А только если пріютъ для этой босой команды открывать, такъ къ вашему капиталу надо еще тысячь десять годового дохода прибавить.

Взглядъ ея упалъ на эту натурщика, прислоненнаго къ стѣнѣ, и она отмахнулась.

— Да поверните вы этого идола въ уголъ носомъ, — сказала она. — Не могу я его неприличнаго обнаженія видѣть.

Онъ повернулъ холстъ къ стѣнѣ.

— Такъ вотъ, Елена Ивановна, — продолжалъ онъ: — думается, что вы на этотъ счетъ можете мнѣ помочь. То-есть касательно Петьки. Желая я его экипировать.

— Что-жъ, въ Морской много есть портныхъ, — и бѣлье тоже тамъ голландское, — вотъ и сведите его туда.

— Да вѣдь и татаръ тоже много по дворамъ ходить.

— Это которые «халатъ-халатъ!» кричатъ?

— Вотъ-вотъ. У васъ, кажется, былъ одинъ знакомый, — въ прошломъ году я ему бровную шапку продалъ, — полтора рубля еще онъ мнѣ далъ?

— Ужъ и боберъ былъ, — припомнила она: — эти бобры по ночамъ на крышахъ мячуютъ, да въ подвалахъ крысъ ловятъ. Еще хорошо, что полтора далъ. Цѣна-то вся ему тридцать копеекъ.

— Какъ звать-то его?

— Ахметка. Они всѣ «Ахметки» и «Саямалекюмъ».

Вы что-жъ, у него кредитъ хотите?

— Это самое. Подъ вашимъ бланкомъ.

— Такъ я и поручусь!

— Поручитесь. У васъ сердце доброе.

— Видали вы мое сердце?

— Видалъ. Тепленькое такое, мяконькое. Ей-Богу, я не шучу, Елена Ивановна. Какъ хотите, а привести его въ человѣчество надо.

— А ежели онъ ложки у меня украдетъ?

— Да вѣдь у васъ аплике?

— Аплике для жильцовъ, а сама я употребляю во-семьдесятъ четвертую пробу.

— А я такъ думаю, что онъ не украдетъ. У него

глаза съ поволокой. Съ такими глазами не воруютъ. Я по лицу вашему вижу, моя божественная, что вы сда-тесь.

— Да мнѣ-то что! — равнодушно сказала она. — Я всегда могу облагодѣтельствовать. На моихъ «изживе-ніяхъ» мало ли живетъ народу. А только ежели какой неблагопристойный поступокъ выйдетъ, вы отвѣтную часть на себя берете.

— Беру. Позвольте васъ въ шейку поцѣловать. Вотъ тутъ, подъ подбородкомъ.

Она замахала руками, хотѣла взвизгнуть, но рѣшила, что этимъ можетъ разбудить жильцовъ, а потому только сказала:

— Вы знаете, что я щекотки боюсь, и всегда, между тѣмъ, такіе посяпки...

Онъ звонко ее чмокнулъ въ жирную, дебелую шею. Его губы точно погрузились въ теплую сметану. Она быстро встала и отстранила его.

— Рублей на пять хорошо всего одѣть можно, — ска-зала она. — Будетъ совѣмъ, какъ грумъ. Особливо, еже-ли старый випемундирный фракъ попадетъ съ орлами. Обрѣжемъ фалды и будетъ куртка à la жокё. А штаны купить свѣтло-сѣрыя, и фуражку съ галуномъ. Графскій мажирдомъ будетъ.

Онъ взялъ лампу проводить ее по коридору. Петя спалъ попрежнему, грудь его спокойно и легко ды-шала. Ему было тепло и спокойно. Должно-быть, немало холодныхъ ночей пронеслось надъ этой курчавой круг-лой головенкой. Щеки его разгорѣлись, губы полуоткры-лись; чрезъ разстегнутый воротъ виднѣлась здоровая высокая грудь. Отъ всей фигуры вѣяло грубой нѣгой и счастьемъ.

— Красивый мальчишка, — не выдержала Елена Ива-новна. — Иной бы князь дорого далъ за такую препорцію.

— Такъ оставляемъ? По рукамъ? — спросилъ онъ.

— Да пушай! — отозвалась она. — Будетъ намъ съ вами въ коридорѣ шептаться, — точно тараканы пол-заемъ. Еще жильцы мораль какую-нибудь подумаютъ. Спите.

Она затворила за собой дверь. Онъ прошелъ и еще разъ полюбовался мальчикомъ, какъ любятъ поку-пать. Онъ низко опустилъ къ нему лампу и поставилъ возлѣ него на полъ. Потомъ вдругъ наклонился, тихо поцѣловалъ его въ лобъ и прошелъ себѣ, чувствуя въ груди какое-то веселье, какую-то поющую, какъ птица, радость. Птица пѣла безсознательно: «какъ хорошо, хо-рошо, хорошо!»

VIII.

Петръ Ивановичъ жилъ въ одноэтажномъ деревянномъ домикѣ, въ одной изъ улицъ Измайловскаго полка. До-микъ былъ снаружи чистенькій, сѣренькій, съ зелеными ставнями, большимъ дворомъ и садомъ, гдѣ росли двѣ липы и густыя акации. Весь домикъ состоялъ изъ пяти комнатъ, которыя содержались женой Петра Ивановича, Юзефой Федоровной, въ самой трогательной чистотѣ. Полъ былъ выкрашенъ подъ паркетъ, на потолкѣ были изображены гирлянды, обои были свѣтленькіе, съ гра-вюрами въ золотыхъ рамахъ. Въ гостиной стояли воско-вые цвѣты подъ стекляннмъ колпакомъ; въ кабинетѣ висѣли шитые гарусомъ конверты и вышитыя шерстями картины, изображающія крестьянъ, кошекъ, охотниковъ и ярко-пунцовыхъ собакъ. Въ углу кабинета бѣлѣлъ и склался женскій скелетъ. Въ то время у докторовъ была мода: непремѣнно держать возлѣ письменнаго стола человѣческой костякъ. У другой стѣны мѣрно отбивали тактъ огромные, нелѣпаго вида часы, въ футлярѣ крас-наго дерева. Когда приходило время имъ бить, казалось, что въ футлярѣ сидитъ кто-то въ жесточайшемъ пароксизмѣ коклюша и никакъ не можетъ откашляться, осо-бенно когда время подходило къ полуночи. Зато въ спальнѣ висѣли крохотные стѣнные часы, тягавшіе по-собачьи. Какъ въ кабинетѣ кашлянетъ красный фут-

ляръ, такъ сейчасъ черезъ комнату тявкнетъ столько же разъ маленькій бѣлый ящичекъ съ циферблатомъ, надъ которымъ изображенъ Шильонскій замокъ. Другихъ зву-ковъ въ домѣ не было.

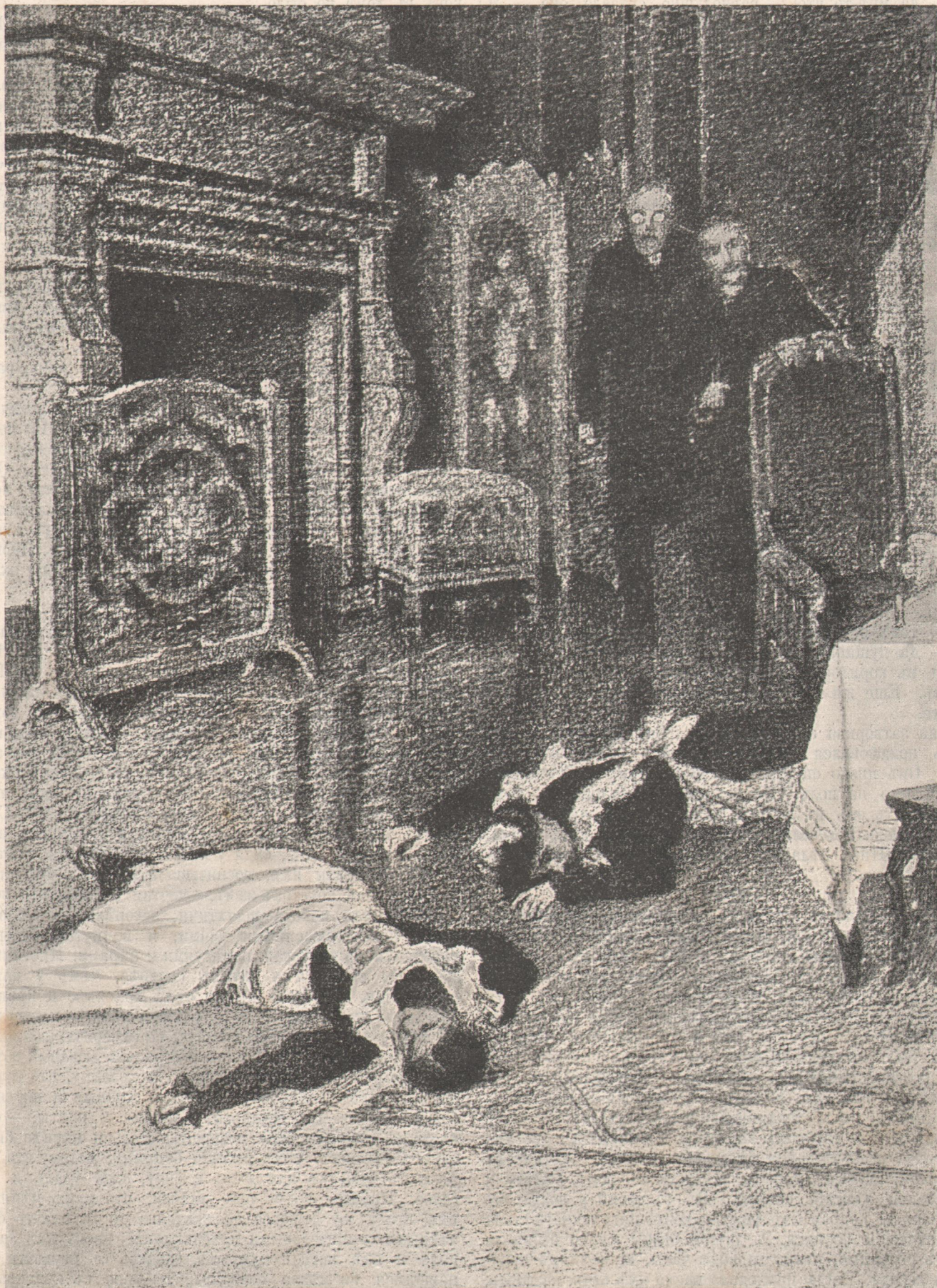
На дачу Петръ Ивановичъ не ѣздилъ и все лѣто проводилъ въ садикѣ, гдѣ самъ сажалъ цвѣты, обѣдалъ въ бесѣдкѣ и спалъ послѣ обѣда на диванѣ въ той же бесѣдкѣ, покрывшись отъ мухъ кускомъ бѣлой марли. Каждое утро, съ восьми часовъ, онъ принималъ пациен-товъ, къ девяти уѣзжалъ куда-то въ госпиталь или ка-кую-то лѣчебницу, потомъ дѣлалъ визиты, къ тремъ воз-вращался домой и тотчасъ же напивался настолько, что до десяти часовъ вечера становился человѣкомъ невмѣ-няемымъ. Онъ дѣлалъ это систематично, выдержанно, хладнокровно. Никакіе доводы со стороны жены, ника-кія убѣжденія не могли поколебать установленнаго разъ навсегда порядка.

— Главное — режимъ-съ, — говорилъ онъ. — Аккуратно въ одинъ и тотъ же часъ отравленіе алкоголемъ. Двад-цать третій годъ такъ дѣйствую, безъ малѣйшаго откло-ненія въ сторону. Оттого ни разу не былъ боленъ. А мой братецъ, что пьетъ по двѣ рюмки въ день, разъ пять былъ на краю смерти-съ.

Пилъ онъ изъ огромнаго графина, рюмку за рюмкой, молча прохаживаясь по анфиладѣ комнатъ. На немъ былъ при этомъ случаѣ халатъ, изъ-подъ котораго тор-чали тонкія, голыя ноги въ сафьянныхъ туфляхъ. Онъ подходилъ къ столу, опрокидывалъ въ горло рюмку, мор-щился, но ничѣмъ не закусывалъ, только закладывалъ руки за спину и мѣрнымъ шагомъ шелъ вокругъ квар-тиры, сдвинувъ брови и о чемъ-то задумавшись. Иногда онъ, замѣтивъ жену, притулившуюся съ работой у окна, подходилъ къ ней и неожиданно заявлялъ:

— А Ершевичъ — подлецъ!

Она не знала, кто такой Ершевичъ, но не возражала. Въ сущности, ей было все равно, и никакого ей дѣла до Ершевича не было. Ей важно было, чтобъ ея Пе-тичка былъ живъ, здоровъ, сытъ и въ духѣ. Она была со стороны матери полька. Въ полькахъ чувство домо-витости, прелести семейнаго очага развито больше, чѣмъ въ русскихъ. Онѣ получили отъ матерей, всосали съ молокомъ этотъ даръ: чувствовать въ мужчинѣ охра-нителя гнѣзда, относиться къ нему, какъ къ представи-телю высшей силы — и созидающей, и защищающей. Сло-жилось это исторически, когда мужья и любовники вое-вали, а ихъ коханы, сидя у печки, наряжались, рожали дѣтей, обмывали ихъ, воспитывали въ нихъ будущихъ рыцарей или кокетокъ-женъ, — мечтая о томъ, что вотъ вернутся изъ похода шляхтичи, загорѣлые, съ обвис-шими неподстриженными усами, и начнутъ балы и праздники съ мазуркой, поцѣлуями и пирами. Инстинктъ женщины сказался у полекъ сильнѣе, чѣмъ у какой иной націи. Онѣ поняли, что чѣмъ красивѣе и привле-кательнѣе женщина, тѣмъ здоровѣе и мощнѣе потомство. Полька создала изъ себя хозяйку: не сѣверную женщину, умѣющую экономно на кухнѣ состряпать дешевый обѣдъ по строго-гигиеническому рецепту, а хозяйку, что созда-вала съ необычайной виртуозностью жирныя и вкусныя блюда для своихъ рыцарей. Кухарка у плиты, — она являлась царицею бала вечеромъ. Польки вѣрнѣе были своимъ мужьямъ, чѣмъ русскія боярыни, потому что цѣ-нили въ мужьяхъ ихъ мощь и силу, ихъ удалъ и ве-селье. Правда, когда онѣ видѣли, что мужъ мѣняетъ ихъ красу на дешевое наслажденіе съ какими-то слу-чайными сомнительными красавицами, кровь ихъ заки-пала и онѣ мести мужьямъ, сойдясь съ первымъ по-павшимся на глаза сосѣдомъ, и даже съ красивымъ холопомъ. Но пока мужчина былъ имъ вѣренъ, онѣ строже, чѣмъ онъ, охраняли святость своего гнѣзда. Онѣ пеленали дѣтей, своею, а не наемной грудью, кор-мили ихъ, готовили зразы и клецки и колдуны, обна-жали плечи для танцевъ, а дома у себя — всѣмъ суще-

Сцена изъ романа Брема-Стоокера „Вампиръ“.

Рисунокъ А. Р. Эберлинга (XIII выставка картинъ Спб. Общ. Художниковъ), авт. «Нивы».

Веселые читательницы. Картина В. Горэ, авт. «Ильи».

ствомъ, всѣми фибрами принадлежали своему властелину.

Юзефа Федоровна была дочь какого-то нотариуса. Петръ Ивановичъ звалъ ее Жозя. Это была узколицая блондинка съ сѣрыми глазами, артистически приготовлявшая паху и куличи. Мужа она боготворила и носила его запой такъ же спокойно, какъ спокойно перенесла бы несчастье, если-бъ лицо его вдругъ исковеркало оспой. На этотъ счетъ она говорила:

— Лучше пить, чѣмъ грабить. А вотъ у нихъ въ больницѣ экономъ Памфиловъ грабить и живыхъ, и мертвыхъ.

Характеръ у Петра Ивановича былъ не то что двойственный, а какой-то двухсторонній. Съ больными онъ былъ мягокъ и ласковъ; съ сослуживцами и начальствомъ грубъ и вызывающе дерзокъ. Его любило какое-то высшее медицинское свѣтло за прямоту и знаніе, и только потому множество поступавшихъ на него жалобъ оставалось безъ послѣдствій. Это свѣтло не разъ замѣчало ему:

— Петръ Ивановичъ, умѣрьте характеръ. Нельзя на каждомъ словѣ говорить: «неучъ, воръ, воръ, неучъ», а у васъ другихъ эпитетовъ по отношенію сослуживцевъ нѣтъ.

— Совершенно вѣрно, ваше превосходительство,—сокрушенно замѣчалъ Петръ Ивановичъ.—Но ужъ какъ-то такъ съ юности привыкъ не лгать. Не могу-съ. Это въ крови, и ничѣмъ вы не вытравите-съ. Не могу видѣть мерзавца, чтобъ не назвать его канальей.

— Петръ Ивановичъ, не все же однѣ каналы.

— Девяносто девять процентовъ, ваше превосходительство. А эта пропорція жестокая. Вотъ-съ мы съ вами двое не каналы, а потому для равновѣсія вокругъ насъ помѣщено сто девяносто восемь мерзавцевъ. Вѣдь и ваше превосходительство изволите съ ними биться не на животъ, а на смерть, потому что у васъ въ рукахъ сила. А у меня силы нѣтъ-съ. Я вершить не могу, а могу только констатировать, ставить, такъ сказать, нравственный діагнозъ. И по моему списку выходитъ, что старшій докторъ у насъ скотина, разжирѣвшая въ своемъ хлѣву; хирургъ—шарлатанъ, да еще при этомъ доносчикъ; акушеръ—развратникъ и уголовный преступникъ, котораго давно ждетъ висѣлица; дѣтскій докторъ...

— Будетъ, Петръ Ивановичъ, перехватилъ,—останавливали его, но Петръ Ивановичъ не унимался.

— Будь я проклятъ, ваше превосходительство, если наше гнусное гнѣздо не достойно участи Содомы и Гоморры. Если-бъ можно было всѣхъ ихъ окормить больничнымъ супомъ съ прибавкой стрихнина, человѣчеству была бы оказана большая услуга.

Жозя поддерживала въ этомъ отношеніи супруга и, провозя его на службу, говорила:

— Ты ихъ хорошоенько тамъ, не стѣсняйся.

Къ пациентамъ относились оба супруга съ совершенно исключительнымъ вниманіемъ. Стоило появиться какой-нибудь потертой, замороженной фигуркѣ, чтобъ Жозя освѣдомилась:

— Да, можетъ, у васъ денегъ на лѣкарство нѣтъ? Такъ вы прямо скажите... Да и безъ шарфа вы? Развѣ можно по такой погодѣ безъ шарфа? Ну-ка, подождите минутку.

Бывали дни, когда мужъ сконфуженно говорилъ послѣ пріема:

— Чортъ! Своихъ еще три рубля приплатилъ. Все голъ проклятая ходить.

На что супруга замѣчала недовольно:

— Ну, кабы я знала, что ты этой кофейницѣ рубль дать, не дала бы ей стараго капора. Нельзя все въ однѣ руки.

Надъ этимъ альтруизмомъ очень издѣвался Андрей Ивановичъ и говорилъ: «Спьяна. Думаю, что оба пьютъ. Въ трезвомъ видѣ это невозможно».

Жозя сердилась, что на нее взводятъ такіа небылицы: она даже въ Новый годъ больше одного глотка шампанскаго не могла проглотить. Она не выносила никакого

вина вообще, по французской поговоркѣ: «крайности сходятся», что, впрочемъ, подтверждается и притяженіемъ противоположныхъ магнитныхъ полюсовъ.

Между супругами никогда не было размолвки съ самаго дня свадьбы. Дѣтей у нихъ тоже не было, да они ихъ и не хотѣли.

— И такъ отъ пациентовъ отбоя нѣтъ, а тутъ еще дѣти,—разсуждалъ Петръ Ивановичъ.

Знакомыхъ у нихъ было много, и каждый день кто-нибудь приходилъ къ нимъ къ обѣду, какъ въ гостиницу. За обѣдомъ у Петра Ивановича былъ періодъ краснорѣчія. Продолжая пить, онъ сыпалъ ядомъ своихъ обличеній, и ужъ тутъ всѣмъ доставалось. Языкъ его былъ твердъ, никогда не заплетался, сколько бы онъ ни выпилъ. Но послѣ обѣда онъ сразу засыпалъ, сидя въ огромныхъ дѣдовскихъ креслахъ, и спалъ часа три, изрѣдка похрапывая и почавкивая, и порою замѣчая сквозь сонъ:

— Шарлатаны, грабители!

IX.

Дня черезъ три послѣ того, какъ Троцкій взялъ къ себѣ Петю, онъ повелъ его къ Петру Ивановичу. Троцкій зналъ, что удобнѣе всего придти къ дядѣ, когда онъ, переодѣвшись послѣ визитовъ, только принимается за питье. Онъ не пошелъ съ параднаго хода, а обошелъ вокругъ, черезъ дворъ. Петю онъ оставилъ во дворѣ, предложивъ ему заняться гимнастикой: влѣзть на крышу или погоняться на перегонки съ дворовымъ псомъ, котораго звали «Маркизь», хотя онъ скорѣе былъ похожъ на лабазника.

Тетя Жозя встрѣтила его, какъ всегда, съ распростертыми объятями.

— Что давно не былъ? Мы ужъ писать тебѣ собирались. Отчего не приходилъ? Ты знаешь, дядя тебя любить, я люблю, а ты на насъ плюешь.

— Да ужъ очень вы децентрализованы, — пошутить онъ.—Съ Острова-то, я думаю, сюда версть семь.

— Ну, да ладно, считаться не будемъ. Сегодня у насъ солянка съ помидорами, да глухаря дивнаго протопопъ прислалъ: его сынъ подъ Ямбургомъ настрѣлялъ,—такъ мы вотъ его въ сметанѣ...

— Не протопопа, а глухаря,—пояснилъ дядя, покаяваясь въ дверяхъ.

Онъ облобызался съ племянникомъ трижды и похлопалъ его по плечу.

— Мажешь по холсту-то? Мазюкай, мазюкай! Все лучше, чѣмъ воровать. Водки хочешь? Да, вѣдь ты не пьешь. И не пей. Одно свинство.

Онъ было повернулся и пошелъ, но племянникъ его остановилъ.

— Я по дѣлу къ вамъ. Говорить хочу.

— Тогда будемъ ходить кругомъ дома. Я остановиться не могу.

— Мнѣ надо, чтобы и тетя слушала.

— Ну, тогда садись, а я изъ угла въ уголь здѣсь буду болтаться. Погоди, только заряджусь.

Онъ вышелъ въ сосѣдную комнату, зарядился, сморщился и вернулся съ огорченнымъ видомъ назадъ.

— Ну, я слушаю.

Троцкій началъ рассказывать исторію Пети. Тетка стучала швейной машинкой и однимъ глазомъ по-птичьи посматривала на мужа. Петръ Ивановичъ шагаль систематично изъ угла въ уголь, поджимая губы и слегка подпрыгивая на ходу. Порою онъ останавливался у окна, барабанилъ пальцами по стеклу, поворачивался, какъ на шкворнѣ, и снова маршировалъ въ противоположный уголь. Когда рассказъ дошелъ до посѣщенія Андрея Ивановича, лицо доктора расплозлось въ радостную улыбку.

— Братикъ, милый мой, единоутробный! Нашелъ ты тоже, къ кому пойти!—проговорилъ онъ и вдругъ погрозилъ въ пространство кулакомъ.—И вотъ вѣдь держитъ

земля такихъ родовъ, не разступится, не провалится. Долготерпѣлива, матушка наша. Ну, дальше, дальше про братика...

Когда Троцкій совѣмъ кончилъ свое повѣствованіе, дядя сѣлъ противъ него и запахнулъ раскрывшійся халатъ.

— Ты, очевидно, желаешь знать мое мнѣніе,—заговорилъ онъ:—куда дѣвать мальчика? Что же я могу тебѣ сказать? Самое простое—привести его сюда и оставить у меня на кухнѣ. Онъ—я согласенъ съ братомъ—будетъ красть у меня папирсы, сахаръ, бить посуду, рвать платье, получать на чай отъ пациентовъ. Но больше дѣлать нечего. Я, вообще, терпѣть не могу дѣтей...

— Ты врешь, папка!—замѣтила Жозя.—Ты страшно дѣтей любишь. Онъ еще вчера съ золотушной дѣвчонкой два часа возился и карамельками ее кормилъ.

— Жозька!—строго крикнулъ онъ.—Ты глупа, какъ слѣпая курица. Я возился съ ней, какъ съ пациенткой. Я смотрѣлъ на нее, какъ на превосходный экземпляръ самой подѣйшей золотухи,—и буду еще съ ней возиться, пока не сведу съ нея всю шелудивость. А я говорю, что не люблю въ комнатахъ дѣтей, потому что дѣти—это неготовые люди, что-то такое полудодѣланное, сырое, капризное, неопрятное, глупое. Я также не люблю щенятъ и котятъ,—хотя кошекъ и собакъ люблю,—потому что мнѣ некогда прививать имъ культуру и цивилизацію. Я это предоставлялъ людямъ не занятымъ и свободнымъ. Я въ восторгѣ, что у насъ нѣтъ дѣтей.

— Однако, ты...—начала было Жозя.

— Я въ восторгѣ, что у меня нѣтъ дѣтей,—заоралъ на весь домъ докторъ, ударяя кулакомъ по столу!—Что бы я съ ними дѣлалъ? Какой примѣръ могъ бы имъ преподавать? Что я такое? Скверный, глухой лѣкаришка, пьяница, мокрица, живущая своей утробой...

— А зачѣмъ же тебя зовутъ на консиліумы?—спросила Жозя.

— Потому что я все же больше смыслю этихъ идиотовъ, олуховъ, фокусниковъ, болвановъ. Я выше ихъ потому, что не вѣрю въ силу лѣкарствъ, потому, что не вѣрю своимъ знаніямъ, не вѣрю ничему, кромѣ моего собственнаго крохотнаго опыта. Если бы у меня былъ сынъ и пошелъ въ доктора, я бы его проклялъ. Лучше ужъ быть такимъ художникомъ, какъ ты, чѣмъ знахаремъ.

— Спасибо за лестное мнѣніе обо мнѣ,—отозвался Троцкій.

— Да ужъ, извини, ангелочекъ мой,—не могу я ваше святое искусство признавать за нѣчто великое, свалившееся прямо съ неба. Вы тоже кустари—такіе же какъ тѣ, что метелки дѣлаютъ. Не все ли одно,—метелка, или ваша программа на золотую медаль: «Титъ наканунѣ паденія Іерусалима»? И метелка можетъ быть произведеніемъ искусства, и «Паденіе Іерусалима» можетъ быть—слякотью. Но художникъ тѣмъ лучше лѣкаря, что не лѣчитъ своихъ ближнихъ. Только однимъ этимъ. Ты знаешь, чѣмъ мы отличаемся отъ остальныхъ смертныхъ? Намъ дозволено посягать на жизнь и здоровье ближнихъ, а вамъ нельзя.

Онъ вскочилъ, пробѣжалъ въ сосѣднюю комнату, опрокинулъ въ ротъ еще стаканчикъ и снова вскочилъ въ гостиную.

— У меня былъ товарищъ по академіи Анаксагоровъ, человекъ порченый. Въ немъ семь бѣсовъ сидѣло. Когда былъ онъ въ семинаріи, его драли черезъ день за дебоши. Онъ все рѣзалъ чужихъ пѣтуховъ, голубей и кошекъ. Страсть у него была къ крови, а главное—къ мясу. И это не жестокость, онъ совѣмъ не желалъ мученій животнымъ, а просто ему нравилось впускать ножъ въ тѣло, потому что это считалось преступленіемъ. И онъ потому пошелъ въ лѣкаря, что лѣкарь, можетъ, пользуясь своимъ званіемъ, совершать всякія непристойности надъ живымъ человекомъ, и всякія оскверненія трупа. Вѣдь если у тебя умретъ бабушка, и ты ей отрѣжешь уши и носъ, тебя непременно посадятъ либо въ сумасшедшій домъ, либо въ тюрьму. А Анаксагоровъ увѣрялъ, что онъ специализируется по уху и носу, и потому у всѣхъ мертвецовъ уши и носы отрѣзалъ. Какъ молодую женщину осматриваетъ, непременно грудь постукаетъ, и сердце послушаетъ,—хотя это совѣмъ ни для носа, ни для уха не надо. Теперь онъ чуть ли не профессоромъ гдѣ-то,—и въ немъ сидитъ тотъ же бѣсъ, та же мерзость, но въ другой формѣ. Вдругъ передъ всей аудиторіей заставитъ женщину совѣмъ раздѣться, или начнетъ дѣвчонкѣ такіе неприличные вопросы предлагать, за которые обыкновенно порядочные люди другихъ по лицу бьютъ.—А его не ударишь, потому что ему, его дипломомъ дана власть всякія мерзости дѣлать. А ужъ что молоденькія фельдшерицы отъ него терпятъ: прямо плантаторъ южно-американскій... Такъ я къ тому все это клоню, чтобы показать, что дрянъ мы такая же, какъ и всѣ...

— Постой, постой,—закричала Жозя.—А Ферзинъ дрянъ? А Башиловъ дрянъ? А Перемѣтовъ дрянъ?—Они всѣ отъ холеры и дифтерита въ прошломъ году умерли, ходя за больными. Они умирали, какъ мученики, на крестѣ, за ближнихъ своихъ...

Петръ Ивановичъ страшно выкатилъ глаза.

— Да ты думаешь,—укоризненно качая головою, началъ онъ:—ты думаешь, что Анаксагоровъ жизнью не жертвовалъ? Да онъ три раза заражался при операціяхъ, онъ гной изъ ранъ трубочками высасывалъ, онъ по трое сутокъ не спалъ, когда тифъ былъ въ войскахъ. Онъ три изслѣдованія написалъ, за которыя его даже англичане чѣмъ-то увѣнчали и членомъ какого-то самаго ученаго учрежденія сдѣлали. Онъ на свои деньги общежитіе для студентовъ основалъ...

— Ты самъ себя противорѣчишь! — остановила Жозя.

Петръ Ивановичъ остановился и вдругъ покотился со смѣху.

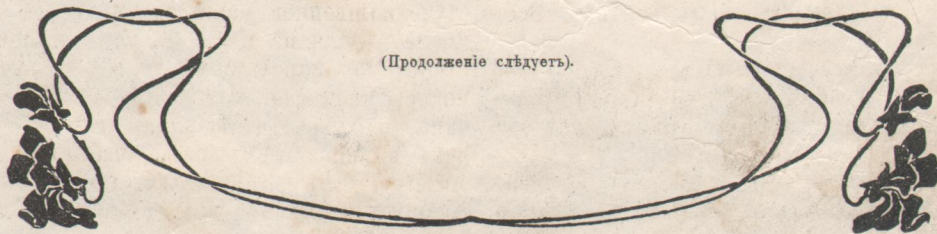
— Это вѣрно,—сообразилъ онъ.—Запутался! Началъ такъ, кончилъ этакъ. Покажи, что ты мажешь такое,—обратился онъ къ племяннику.

Тотъ подаль ему карманный альбомчикъ.

На первой страницѣ онъ набросалъ дядю въ халатѣ, съ развѣвающимися лапами, быстро шагающимъ по комнатѣ.

— Мерзавецъ! какъ сталъ хорошо работать!—проговорилъ Петръ Ивановичъ.—Лучшій мой портретъ. Подпиши: «спившійся лѣкарь», вставь въ рамку и поднеси Жозѣ въ день ея рожденія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ „Книги жизни“.

Какая сладость въ отрицаньѣ
Того, что дорого другимъ.
Любовь, надежду, вѣру, знанье—
Все осмѣять разумомъ злымъ,
Всѣ чувства разумомъ измѣрить,
Святыню сердца развѣнчать,
И очевидности не вѣрить,
И наложить на все печать
Насмѣшки, злобы и проклятья

Тому, чѣмъ дышимъ и живемъ,—
И даже страстныя объятя
Пятнать невѣрія клеймомъ!..
Блаженъ, въ комъ есть такая сила!
Онъ—царь вселенной, богъ и магъ:
Предъ нимъ безмолвствуетъ могила
И преклоняетъ выю врагъ!
Онъ самъ повсюду вносить тѣнь,
Онъ самъ—палачъ, самъ—судья,

Великій въ дѣлѣ разрушенья
Прикрасъ земного бытя.
Онъ одинокъ, какъ мрачный геній,
Но всѣмъ твердитъ, какъ лучший,
Что жизнь не стоитъ сожальнй, другъ,
А смерть,—не стоитъ слезъ и мукъ!

В. Мазуревичъ.

Афродита. Картина Брайтонъ-Ривьера, авт. «Нивы».

На войнѣ.

(Отъ вашего спеціального корреспондента).

Мукденскій бой.

IX. Утро 21-го февраля.

Морозъ, стоявшій въ фанзѣ, не далъ намъ уснуть ни на минуту. Въ 5 часовъ полковникъ Новосельскій былъ уже на ногахъ, и со двора слышенъ былъ его громкій голосъ:

— Первый полкъ идетъ въ головѣ. Разбудите полковника Леша!—говорилъ онъ кому-то.

На одномъ канѣ со мной оказался лежащимъ поручикъ Дашкинъ. Мы вмѣстѣ вышли изъ фанзы, чтобы искать палатку Леша.

Въ громадномъ бивакѣ подъ холмомъ съ башней догорали костры, около которыхъ сидѣли съевшіяся фигуры солдатъ. Люди уже проснулись, можно было бы сказать по первому взгляду, но, на самомъ дѣлѣ, они еще не спали, а такъ и просидѣли всю ночь кругомъ костровъ. Мимо сѣрыхъ кучекъ солдатъ и рядовъ винтовокъ, составленныхъ въ козлы, мы дошли, наконецъ, до 1-го полка. Тутъ, однако, картина была другая. Люди ночевали въ палаткахъ.

У первого батальона мы нашли маленькую палатку полковника Леша. Около нея денщики согрѣвали на кострѣ воду для чая. Дулъ рѣзкій морозный вѣтеръ, и о кружкѣ горячаго чая приятно было подумать. Я подѣлъ у костра на скатанную шинель, пока Дашкинъ будилъ полковника.

— Собрать палатки!—раздался его голосъ, и голова въ мохнатой папахѣ выглянула изъ-за полотнища.

Я спросилъ его о причинѣ такого контраста: люди одного полка ночуютъ въ палаткахъ, а другіе—всю ночь мерзнуть на вѣтру.

— А зачѣмъ я буду изнурять людей передъ боемъ? На случай тревоги у меня вездѣ караулы. Почему другіе командиры разсуждаютъ иначе—это не мое дѣло...

Мы наскоро напился чаю. Денщикъ нашелъ въ повозкѣ командира десятокъ баранокъ, торжественно заявивъ, что это «московскіе». Ихъ пришлось разбивать рукояткой револьвера.

Сборы полка были недолги. Черезъ полчаса походная колонна, обогнувъ холмъ съ башней, уже вытягивалась на дорогу. Впереди пустынная равнина съ таинственной далью, закрытой отъ насъ утреннимъ туманомъ. За этой завѣсой долженъ былъ начаться первый актъ трагедіи, при участіи 1-го сибирскаго корпуса.

Саженьяхъ въ ста передъ башней небольшой бугорокъ. Выѣхавшіе впередъ командиръ полка и нѣкоторые офицеры здѣсь остановились и сошли съ коней. Обычнымъ походнымъ порядкомъ двигаться дальше было уже нельзя.

Впереди, какъ горохъ, разсыпанный по полу, барабанила ружейная трескотня.

Колонна остановилась. Лешъ собралъ кругомъ себя офицеровъ и сталъ давать указанія къ предстоящему бою.

Впередъ была выслана пластунская команда, затѣмъ былъ двинутъ головной батальонъ. Полковникъ поздоровался съ людьми и сказалъ:

— Стрѣлки! Вы идете въ бой и будете такими же молодцами, какими, несмотря на тяжелыя времена, вы были съ начала кампаніи! Поддержите славу 1-го полка! На забывайте, чье имя вы носите! *) Съ Богомъ...

Батальонъ былъ пуцень уже не колонной, а цѣпями. Части быстро разбились по всему полю, и одиночныя фигуры въ разстояніи трехъ-четырехъ шаговъ одна отъ другой двинулись впередъ. Первая линія цѣпи скоро исчезла въ туманъ.

Тогда пошли остальные батальоны уже походной колонной, прикрывая собою артиллерию и пулеметы. Полковникъ Лешъ съѣлъ верхомъ, объѣхалъ солдатъ, здоровался съ ними и поспкалъ впередъ.

Мустафа со своей коляской, нагруженной мундиромъ и полковника вещами, запутался среди пулеметовъ. Ему приказано было отстать и идти съ обозомъ.

Я пошелъ впередъ вмѣстѣ съ колонной. Солдаты шли бодро и говорили о вещахъ, не

Развѣдчики.

*) 1-й полкъ—имени Его Величества вост.-сиб. стрѣлковый полкъ

Генераль Каульбарсь награждает во время боя отличившихся георгиевскими крестами у дер. Юхан-тунь. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

имѣющихъ никакого отношенія къ предстоящему бою, несмотря на то, что трескотня все усиливалась. Если кто-нибудь, какъ бы вскользь, говорилъ: «Ишь, какъ жариваетъ». — Ему замѣчали: «А ты, видно, не слыхалъ еще. Погоди слушать—еще наслышишься. Подойдемъ ближе — тебѣ не такъ накажить».

На ногахъ у солдатъ были новые сапоги. За спинами запасные тоже новые.

Въ предыдущей статьѣ я уже говорилъ о положеніи башни Хауха относительно Мукдена. Теперь мы двигались далѣе въ томъ же направленіи, т. е. на сѣверо-западъ. Большинство деревень обозначены только на большихъ двухверстныхъ картахъ. Одни названія ничего читателю не говорятъ, а потому, чтобы ориентироваться въ общей картинѣ, необходимо опредѣлять направленіе различныхъ пунктовъ по компасу.

По диспозиціи мы должны были въ этотъ день дойти до деревни Ташичао (отъ башни 9 верстъ) и тамъ заночевать. Путь невеликъ, но съ первыхъ же шаговъ стало ясно, что дойти въ этотъ день до деревни Ташичао болѣе чѣмъ трудно. Для этого нужно было въ одинъ день взять съ боя три укрѣпленныхъ деревень. Первую мы взяли, вторую видѣли только издали, но не дошли до нея, а Ташичао такъ и не видали...

Когда потомъ подводились итоги мукденскаго боя, то уже заднимъ числомъ соображали. Если бы мы на 19-е февраля не ночевали въ горющей деревнѣ Янсытунь, если бы слѣдующія сутки не потеряли въ стояннѣ у линіи дороги подъ Мукденомъ и, наконецъ, третью сутку подъ башней, а прямо бы двинулись на Ташичао, то успѣли бы занять этотъ важный пунктъ на пути японскихъ обходныхъ войскъ.

Къ 8 часамъ туманъ разсѣялся, и передъ нами обрисовалась деревня Фансытунь (2½ версты отъ башни). Не доходя до деревни, стоялъ въ резервѣ какой-то російскій полкъ.

Наша колонна прибавила шагъ. Я послѣдилъ впередъ и, чтобы обогнать ее, сошелъ съ дороги и зашагалъ полемъ.

Навстрѣчу намъ изъ деревни сбѣжали китайцы, выносившіе и вывозившіе свое имущество. По торопливости ихъ видно было, что бѣда застигла ихъ врасплохъ. Растеряныя женщины уходили почти бѣгомъ, таща за собой и на себѣ плачущихъ ребятшекъ.

«Въ чужомъ шире похмелье», — подумалъ я.

На ближнемъ краю деревни, у дороги — красивая кумирня. Здѣсь уже хлопочетъ старшій врачъ 1-го полка Вигелевъ и наскоро устраиваетъ перевязочный пунктъ. Далѣе у дороги — фанзы деревни. Въ одномъ огородѣ за обвалившейся глиняной стѣнкой стоятъ лошади коннаго развѣзда пограничниковъ. Сюда быстро подходитъ офицеръ и кричитъ: — Выводи лошадей за деревню! Живо!..

Въ эту минуту я слышу протяжный, нѣжный свистъ пролетѣвшей японской пули... Этотъ звукъ для того, кто его услышитъ, сразу даетъ новый тонъ и настроеніе всей окружающей обстановкѣ. Все становится значительнымъ—и скачущій навстрѣчу ординарецъ съ донесеніемъ на листкѣ бумажки, которую онъ торопливо прячетъ за рукавъ, и голоса командъ, въ которыхъ слышится волненіе, и движеніе людей, въ которыхъ замѣтна необычная нервность

и торопливость... Всѣ чувства напрягаются, и сердце начинаетъ биться быстрее...

Еще такой же свистъ—и щелчокъ въ глиняную ограду, куда ударила пуля... Третья шлепается на дорогу и подымаетъ легкое облачко пыли.

Какой-то солдатъ, держа въ поводу лошадь одного изъ офицеровъ, садится за изгородь съ тыльной стороны и съ простодушной улыбкой поглядываетъ на другихъ солдатъ, которые съ лошадьми стоятъ тутъ же, при чемъ изъ приличія даже зѣваетъ, какъ бы говоря этимъ: «вотъ я усталъ, присяду и отдохну...»

— Прячься, прячься,—замѣчаетъ ему сосѣдь.—Небось, найдешь пуля того самаго, котораго ей надо...

Впереди на небольшомъ бугоркѣ стоитъ Лешъ и громко отдааетъ

Генераль Каульбарсь наблюдаетъ за боемъ съ башни Хауха. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Мукденский бой. Раненые на арбах.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

приказания подходящим сзади ротамъ, которыя, минуя его, сейчас же рассыпаются цѣпью и идутъ впередъ. Онъ горячится и ему кажется, что всѣ его приказанія исполняются медленно.

— Господи! полковникъ, — говорить ему кто-то изъ офицеровъ. — Вы напрасно стоите здѣсь: кругомъ летаютъ пули... Вонъ тамъ за фанзой гораздо безопаснѣе...

— А идите вы... если вамъ самимъ не нравится здѣсь... Я желаю, чтобы весь полкъ прошелъ мимо меня и видѣлъ меня именно здѣсь... гдѣ летаютъ пули... Впрочемъ, господа, вы можете разойтись, они, кажется, стали стрѣлять именно по насъ.

Нѣсколько офицеровъ отошли въ сторону, но опять остановились группой. Пульки стали посвистывать кругомъ все чаще и чаще, но, какъ казалось, никто этого не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать, и внимание всѣхъ сосредоточивается на томъ, что дѣлается впереди.

А тамъ, освѣщенный утреннимъ солнцемъ, разстилался унылый манчжурскій пейзажъ. Сѣрое поле, изрѣзанное грядками и пересѣченное замерзшею рѣчкой, заканчивалось сѣрой деревенькой, справа окруженной рошей. Ничего интереснаго на видъ не пред-

Мукденский бой. Раненые пѣшкомъ.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

ставляла изъ себя эта деревушка, ни одной человѣческой фигуры не было видно около нея, но въ настоящую минуту она казалась грозной и таинственной. Изъ наружныхъ глиняныхъ оградъ, какъ сотни черныхъ глазъ, глядѣли впередъ отверстія — бойницы для японскихъ стрѣлковъ.

По полю навстрѣчу этимъ зоркимъ глазамъ медленно подвигались цѣпью рѣдкіе ряды сѣрыхъ фигуръ, окраской своей сливающихся съ окружающей мѣстностью. Они шли медленно, точно на прогулкѣ, шагъ за шагомъ приближаясь къ роковымъ стѣнамъ, но въ этомъ движеніи чувствовалась торжественность и сила. Дальнія цѣпи постепенно терялись изъ вида, скрываясь за складкой мѣстности или залегая на землѣ, точно таяли, и минута за минутой проходили въ томительномъ и нервномъ ожиданіи.

Слѣва показалась фигура солдата, бѣгущаго навстрѣчу цѣпямъ. Онъ направился въ нашу сторону. Долгій бѣгъ изъ передового поста утомилъ его. Онъ спотыкался, начиналъ идти шагомъ и сейчасъ же опять пускался бѣжать. Добѣжавъ до полковника и передавъ дыханіе, онъ сказалъ:

— Ваше высородіе... тамъ онъ батарею устанавливаетъ за угломъ деревни, по тую сторону...

Онъ указалъ рукой налѣво.

— Хорошо, обожди здѣсь... Поручикъ Никитинъ!..

Полковой адъютантъ Никитинъ на блѣлой китайской лошади сразу появляется откуда-то, какъ изъ земли вырастаетъ.

— Пускай 1-ая батарея откроетъ огонь по деревнѣ и слѣва... Прикажете немедленно!..

Поручикъ Никитинъ уже скачетъ назадъ къ батарее.

— И ты бѣги туда и расскажи командиру, — обращается Лешъ къ солдату, который пускается вдогонку за адъютантомъ.

Проходить нѣсколько минутъ, и кромѣ ружейной трескотни ничего не слышно. Полковникъ начинаетъ горячиться и посылаетъ къ батарее поручика Дашкина.

Но не успѣлъ онъ скрыться за фанзами, какъ треснулъ ударъ, отъ котораго стояція тутъ лошади рванулись со своихъ мѣстъ. Надъ нами прошипѣлъ снарядъ и, постепенно затихая, разорвался надъ самой деревней. Еще три снаряда дали такіе же мѣткіе разрывы. Вторая подбатарея обстрѣляла лѣвую окраину деревни. Сразу былъ найденъ вѣрный прицѣлъ.

Лешъ былъ въ восторгѣ.

— Молодцы! — повторялъ онъ при каждомъ удачномъ разрывѣ, и потомъ вдругъ закричалъ: — Бѣглый огонь! Ординарецъ, скажи ка-

Мукденский бой. Раненые на арбах.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

питану Ратькову — хорошо. Пускай бѣглымъ огнемъ по той же цѣли. «Три очереди — бѣглый!..»

Батарея Ратькова стояла сейчасъ же за деревней саженьхъ въ пятидесяти отъ насъ. Когда загрохоталъ бѣглый огонь *, то, казалось, вся деревня разрушится въ прахъ. Ружейный огонь нашихъ цѣпей затрещалъ чаще. Заднія линіи стали быстрѣ двигаться впередъ.

Но вотъ нѣкоторыя сѣрыя фигурки стали присаживаться, точно онѣ устали, другія ложились на землю, но медленно и просто, точно для отдыха, безъ эффектныхъ движеній тѣла, какъ обыкновенно изображаютъ раненыхъ на картинахъ. Нѣкоторые поворачивались и шли обратно, точно имъ надоѣла прогулка подъ пулями. Къ одному изъ вернувшихся, когда онъ проходилъ мимо насъ, Лешъ обратился съ вопросомъ:

— Куда раненъ?

Но солдатъ ничего не отвѣтилъ и только показалъ пальцемъ на свой ротъ и раскрылъ его. Оттуда хлынула кровь.

* Бѣглый огонь — когда каждое орудіе стрѣляетъ безъ команды, а сейчасъ же, какъ вложенъ патронъ. Три очереди — по три патрона на орудіе.

Мукденский бой. Раненые на носилкахъ.

По фот. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Взятые въ плѣнъ китайскіе солдаты, состоящіе на японской службѣ. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

— Ну, ничего, скоро поправишься... это пустыки. Иди на перевязочный...

Солдат растерянно глядѣлъ на полковника, точно не понималъ, что тотъ ему говорить, и медленно прошелъ мимо. За нимъ солдаты-санитары пронесли раненаго на носилкахъ, а тамъ еще и еще... У всѣхъ былъ видъ смущенный, какъ бы виноватый. Они точно извинялись предъ начальствомъ, что ихъ ранили и они уходятъ съ поля. Тяжело-раненые стонали. Мы перестали смотрѣть въ ихъ сторону.

На правомъ флангѣ, между тѣмъ, происходило что-то неладное. Тамъ стоялъ цѣпями Великолукскій полкъ. Когда 1-й полкъ пошелъ въ наступленіе, то великолукцы стали постепенно отходить, потому что 1-й полкъ яко бы пришелъ имъ на смѣну.

Выходило такое положеніе вещей: въ то время, когда одни наступаютъ, другіе рядомъ отступаютъ.

— Что они тамъ дѣлаютъ? — кричалъ Лешъ, выходя изъ себя отъ негодованія. — Остановите ихъ!

Адъютантъ и всѣ наличные ординарцы поскакали отыскивать командира полка, чтобы передать ему желаніе полковника Леша. Его не нашли. На позиціи уже оставался одинъ батальонъ, и командиръ его велѣлъ передать, что «онъ не подчиненъ полковнику Лешу».

У кумирни. Китайцы, смотрящіе на проходящія войска. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Лешъ немедленно послалъ объ этомъ донесеніе командиру отряда генералу Де-Виттъ и тотъ приказалъ Великолукскому полку подчиниться полковнику Лешу.

Но это приказаніе пришло уже послѣ, а пока наступленіе шло своимъ порядкомъ. Солдаты 1-го полка сумѣли не обратить вниманія на отступающихъ и продолжали свое дѣло. Цѣпи, дойдя на 400 шаговъ до стѣнки, залегли и стали обстрѣливать амбразуры и переулки. Наша батарея послѣ трехъ очередей продолжала еще стрѣлять... но вотъ впереди произошло что-то такое, что заставило всѣхъ насторожиться. Стрѣльба изъ нашихъ цѣпей прекратилась, изъ орудій тоже. Далекія незамѣтныя цѣпи вдругъ выросли въ группы людей, бѣжали впередъ и голылись въ проходахъ между стѣнъ деревни.

Японскія пули еще продолжали свистать около насъ, но уже никто не обращалъ на это вниманія. Всѣ устремились впередъ къ деревнѣ, которая прежде казалась угрюмой и неприступной, а теперь всѣхъ манила къ себѣ. Дорога у того мѣста, гдѣ мы стояли, сразу наполнилась движущейся толпой конныхъ и пѣшихъ. Проскакали казачій разъѣздъ, котораго раньше не было видно, прѣхали пограничники, торопились группы какихъ-то солдатъ, прѣ-

катили артиллерія... и во всемъ, и на всѣхъ выражалось одно общее чувство и стремленіе: «впередъ»...

Колоритъ картины сразу измѣнился. Стало будто свѣтлѣе, люди оживились... туманное угрюмое утро стало яснымъ и праздничнымъ...

Солдаты-санитары, несшіе тяжело-раненаго, остановились на краю занятой движеніемъ дороги и поставили носилки на землю. Раненый приподнялся, черезъ силу закричалъ слабымъ голосомъ «ура!» и опять упалъ на носилки...

Наши ворвались въ деревню. Она была взята.

Х. Въ артиллерійскомъ резервѣ.

Деревня, которую мы заняли, называлась Цуанванчи. Слѣдующая деревня, куда отступили японцы—Людзакуанъ—находилась по дорогѣ влѣво, почти подъ прямымъ угломъ. Когда наши ворвались въ деревню, то японцы бѣжали по открытому полю на нашихъ глазахъ и попали подъ огонь нашихъ пулеметовъ.

Впослѣдствіи разсуждали, что если бы, не останавливаясь въ первой деревнѣ, мы неотступно преслѣдовали ихъ, то на ихъ плечахъ ворвались бы во вторую деревню, но для этого нужно было, чтобы 1-й полкъ былъ поддержанъ резервомъ, а поддержки этой не было сдѣлано.

Станція Фушунъ (Фушунскія копи). Персоналъ служащихъ на станціи. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Удачно начатое дѣло этимъ и закончилось. Деревня Людзакуанъ осталась для насъ неприступной.

Когда Лешъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ впередъ, увлекая за собою всѣхъ остальныхъ находившихся тутъ, я напрасно искалъ глазами ординара, который въ такихъ случаяхъ подводилъ мнѣ лошадь. Пришлось нѣкоторое разстояніе пройти пѣшкомъ. Это было нетрудно, потому что успѣхъ заставлялъ забыть усталость, но обидно было остаться позади.

Но вотъ слышу сзади себя голосъ:

— Ваше высокоблагородіе, садитесь...

Мустафа догналъ меня, и мы рысью поѣхали впередъ.

Влѣво отъ дороги — поле, по которому двигались цѣпи. Оно усыяно трунами. Между ними ходятъ нѣсколько солдатъ-санитаровъ, отыскивая неподобранныхъ раненыхъ.

Навстрѣчу намъ проводятъ плѣнныхъ японцевъ. Несмотря на сравнительно теплый солнечный день они зябнутъ. Головы ихъ закрыты визанскими шлемами, кагіе носятъ и у насъ, но у нихъ они одѣты поверхъ фуражекъ. Мѣховые воротники застегнуты на шеѣ. Ихъ челоуки пять. Далѣе солдатъ ведетъ подъ руку раненаго хромающаго японца и, глядя на Мустафу, глупо улыбається—должно-быть, чувствуетъ себя въ неловкомъ положеніи.

Мукденскій бой. 1-й полкъ у Императорскихъ могиль. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Не доѣзжая деревни, Мустафа останавливается. — Нельзя дальше ѣхать. Здесь пули летают... Может лошадей побить...

Действительно, кругом изрѣдка посвистывает, и двѣ-три пули шлепаются въ дорогу. Мы условливаемся, что Мустафа поѣдет по-лемь вправо, въ находящуюся там деревню, гдѣ уже виднѣются повозки и зарядные ящики.

Слѣва у дороги уже устанавливается батарея.

Деревня съ этой стороны, раньше намъ невидимой, имѣетъ болѣе интересный видъ. Въ нее ведетъ крутой каменный мостъ, около котораго стоятъ верховыя лошади. Недалеко кумирня, гдѣ остановился полковникъ Лешъ и отдаетъ приказанія офицерамъ.

Въ деревнѣ еще оставалось нѣсколько захваченныхъ въ плѣнъ японцевъ. Нѣкоторые ранены. У забора лежитъ японецъ, раненый въ ключицу. Онъ морщится отъ боли и, отыскивая удобное положеніе для руки, подкладываетъ подъ нее патронный подсумокъ.

— Ишь, бестія,—говоритъ одинъ солдатъ:—и винтовка у его отобрана, а патроновъ не хочетъ отдать...

Японецъ дѣлаетъ усиліе, беретъ въ другую руку подсумокъ и высыпаетъ патроны на землю.

Онъ, очевидно, говоритъ или, по крайней мѣрѣ, понимаетъ по-русски, но на заданные ему сейчасъ же вопросы отрицательно киваетъ головой.

Съ западной стороны деревни, выходящей на дорогу отступленія къ слѣдующей деревнѣ, послѣднія группы японцевъ отчаянно сопротивлялись, но были выбиты. У стѣнокъ и прямо на дорогѣ лежатъ трупы... но между ними есть и наши.

Далѣе въ полѣ много труповъ въ сѣрыхъ шинеляхъ, и трудно

Свиданіе генерала Куропаткина съ генераломъ Каульбарсомъ у дер. Юхвантунъ 22 февраля.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

отличить, чьи они, потому что у японцевъ верхняя зимняя одежда болѣею частью сѣрая, но есть и черныя шинели.

Тамъ же, въ полѣ, широкимъ фронтомъ уже двигаются наши цѣпы, а изъ деревни впереди уже идетъ ружейная трескотня. До деревни Людзакуанъ менѣе версты—т. е. хорошей ружейной выстрѣль—и трескотня идетъ болѣе ожесточенная, чѣмъ при первой деревнѣ. Среди звуковъ неровной съ промежутками стрѣльбы пачками, вдругъ разсыпается, какъ барабанная дробь, однообразная зловѣщая трескотня... Это работаютъ японскіе пулеметы.

Цѣпы рѣдѣютъ. Чтобы скрыть себя отъ губительнаго огня, люди, пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе, пользуются самымъ незначительнымъ пригоркомъ, ямкой, и залегаютъ.

Солнце ярко освѣщаетъ открытое ровное поле передъ непріятельской деревней. Невольно закрадывается сомнѣніе въ возможности взять ее днемъ открытой атакой. Но по диспозиціи къ вечеру мы должны быть въ Тампачо, и цѣпы таютъ, но идутъ впередъ...

Первая батарея открываетъ огонь. Справа отъ деревни воспѣваетъ за ней вторая. Со стороны японцевъ, которые въ первой деревнѣ такъ и не успѣли открыть огня,—теперь начинаютъ стрѣлять сразу нѣсколько батарей. Воздухъ пронизывается сверлящими полетами невидимыхъ снарядовъ, носящихся другъ другу навстрѣчу.

Иду обратно къ дорогѣ мимо батареи, стрѣляющей бѣглымъ огнемъ. Позади высокое сучковатое дерево, на которомъ сидитъ съ биноклемъ наблюдающій.

Со стороны той деревни, у которой мы были утромъ, подходятъ новые полки, по пути разбиваются цѣпами и идутъ влѣво. Ихъ долго видно на ярко освѣщенномъ полѣ.

За деревней съ тыльной стороны падаютъ шимозы, какъ бы давая сильный перелетъ. Но потомъ оказывается, что тамъ стоитъ наша батарея, которая замѣчена японцами. Она снимается съ мѣста и отбѣзжаетъ къ лѣву. Число нашихъ батарей увеличивается. Выстрѣлы слышны и справа, и сзади. Шимозы начинаютъ падать повсюду, и трудно сказать, откуда направленъ непріятельскій огонь.

Я хочу идти въ деревню, но съ тыльной ея стороны падаютъ нѣсколько шимозъ. Въ то же время начинаютъ кругомъ часто свистѣть пули. Очевидно, японцы стали стрѣлять по новымъ идущимъ открыто цѣпамъ.

Чувство тоски и полной безпомощности заслоняютъ всѣ остальные чувства. Въ такія минуты особенно непріятно одиночество. Слабѣетъ воля, и человѣкъ готовъ поддаться чувству страха.

Вотъ почему примѣръ начальника, умѣющаго владѣть собою и подчинять остальныхъ своей волѣ, имѣетъ такое громадное значеніе въ бою...

Нѣсколько минутъ я выжидалъ, но шимозы продолжали падать у деревни, заслоняя ее изъ вида своимъ чернымъ дымомъ.

Въ это время мимо пронесли съ поля раненаго и спросили меня, гдѣ перевязочный пунктъ. Я самъ этого не знаю, и мы пошли наугадъ въ поле, въ сторону, противоположную выстрѣламъ.

Раненый генералъ Мищенко, его супруга А. А. Мищенко и его ординарецъ В. И. Копейшвили. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Въ томъ же направленіи съ разныхъ сторонъ несли еще раненыхъ, другіе шли пѣшкомъ и нѣкоторые сворачивали направо въ деревню, гдѣ стоялъ артиллерійскій резервъ, хотя тамъ не было видно флага Краснаго Креста. У насъ обыкновенно ставятъ или пята саженный шесть для флага, или совсѣмъ не ставятъ, чтобы не обращать вниманія непріятеля, который любитъ пускаться въ перевозочный пунктъ «случайныхъ гранаты».

Отчего бы не ставить не надъ крышами, а у края деревни значокъ, который былъ бы замѣтенъ на пути отъ нашихъ позицій и незамѣтенъ непріятелю? Кромѣ того, по дорогѣ, напримѣръ на перепутьи, можно бы ставить на землѣ хотя бы изъ картона значки, которые потомъ можно даже бросать.

Мы дошли вмѣстѣ до деревни. Въ одномъ дворикѣ, заложивъ руки въ карманы пальто, нервно шагаль докторъ. «Нашли»,—подумалъ я и поздоровался съ нимъ. Но съ первыхъ же словъ оказалось, что онъ ветеринаръ. Очень симпатичный и милый человѣкъ, но все-таки ветеринаръ. Раненые пошли дальше продолжать свои поиски.

Я же остался съ ветеринаромъ, тѣмъ болѣе, что онъ предложилъ мнѣ выпить стаканъ чаю.

Пока денщикъ приготовлялся насъ напоить, мы пошли осматривать фанзы. Вездѣ былъ страшный разгромъ. Сундуки были разбиты, красивые открытые шкафики, гдѣ ставятся боги, поломаны и повалены на полъ. Тутъ же валялись свѣчи, которыя жгутъ передъ богами, обрывки шелковыхъ матерій, картины, вытканныя шелками на атласѣ. Въ одной зажиточной фанзѣ мы нашли цѣлую грудю женскихъ башмаковъ съ вышивками, совершенно новыхъ, двѣ большихъ фарфоровыхъ вазы прекрасной старинной работы, но разбитыя и не отъ случайнаго паденія, такъ какъ онѣ стояли на своемъ мѣстѣ на полкахъ, а умышленнымъ ударомъ. По полу были разбросаны книги большими томами съ шелковыми переплетами и застѣжками слоновой кости.

Оставалось загадкой, кому и для чего понадобилось это разореніе. Можно только навѣрно сказать, что не самимъ китайцамъ, потому что они, забирая при выселеніи что могутъ, никогда не уничтожаютъ оставшагося.

55-й Подольскій полкъ на пути къ позиціямъ. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Пока мы переходили по деревнѣ изъ фанзы въ фанзу, одна изъ шимозъ упала недалеко отъ деревни. Затѣмъ мы благополучно успѣли выпить по стакану чая, при чемъ мой собесѣдникъ безпознойно поглядывалъ въ пробитое окно, увѣряя, что другая шимоза должна непременно ударить въ деревню. Дѣйствительно, скоро дикій свистъ и разрывъ бризантнаго снаряда послышался совсѣмъ близко. Мы выбѣжали посмотреть и увидѣли, что шимоза ударила въ крайнюю фанзу и разбила стѣну.

Докторъ сейчасъ же заявилъ, что онъ чаю больше не хочетъ и что вода невкусная. Мнѣ оставалось только присоединиться къ его мнѣнію, и мы вмѣстѣ пошли къ задней стѣнкѣ деревни, чтобы тамъ расположиться за прикрытіемъ.

Вдоль всей глиняной ограды, высотой по плечо человѣку, сидѣли артиллеристы резерва 1-й бригады. Впереди разстилалось поле, по компасу на востокъ и вдали слѣва видѣлась сосновая роща съ кладбищемъ. У ограды, почти вплотную къ намъ, стояли лошади и зарядные ящики. Стали приводить раненыхъ артиллерійскихъ лошадей, отвозившихъ снаряды. Ветеринаръ ихъ осматривалъ. У одной оказалась сквозная рана въ шею, съ обѣихъ сторонъ которой видѣлись два круглыхъ красноватыхъ отверстія. Такое нервное животное, какъ лошадь, несомнѣнно, сильно страдало отъ боли, но это выразалось только ея понурымъ видомъ и слабостью въ движеніяхъ. Другая лошадь была ранена осколкомъ гранаты въ грудь съ разбитіемъ плечевой кости. Она едва двигалась. Ветеринаръ приказалъ ее пристрѣлить.

Мы опять сѣли у стѣнки, но просидѣть пришлось недолго. Слѣва отъ насъ, надъ самымъ краемъ деревни, стали рваться шрапнели.

— Наконецъ и до насъ добрались,—сказалъ докторъ, точно это было его завѣтнымъ желаніемъ.

По точности попаданія въ одно мѣсто было видно, что японцы рѣшили обстрѣливать нашу деревню, совершенно справедливо полагая въ ней присутствіе резерва, и при томъ именно артиллерійскаго, потому что, стрѣляя обыкновенно по деревнямъ шимозами, они сюда стрѣляли шрапнелью специально по лошадямъ, которыя всегда стоятъ подъ открытымъ небомъ. Можно было только удивляться тому, что имъ всегда было точно извѣстно положеніе нашихъ частей.

Шрапнели рвались одна за другой, приближаясь къ повозкамъ. Нѣкоторыя пули уже барабанили по крышамъ.

— Намъ придется отсюда уходить,—сказалъ докторъ.

Дѣйствительно, оставаться здѣсь заряднымъ ящикамъ со снарядами было совсѣмъ неудобно.

Осадная мортирная батарея передъ боемъ. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Прожекторъ на позиціяхъ. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

По приказанію старшаго артиллериста, сидѣвшіе у стѣнки сбѣгались къ лошадямъ и приготовились.

Послѣ еще нѣсколькихъ шрапнелей пронеслась шумная шимоза и ударила слѣва, саженьяхъ въ двадцати отъ насъ, убивъ осколкомъ ни въ чемъ неповиннаго осла, который безъ вьючнаго сѣдла мирно стоялъ въ сторонкѣ.

Это было сигналомъ. Лошади крайней повозки сами рванулись впередъ. Бѣздовые повскакали на другихъ лошадей, и все это понеслось по полю, громыхая по грядкамъ. Человѣкъ двадцать солдатъ еще оставались тутъ нѣсколько минутъ, чтобы ввездать лошадей съ обозными повозками, захватить шинели, разложенныя у стѣнки, и подобрать нѣкоторыя вещи.

Оставаться намъ съ ветеринаромъ не имѣло никакого смысла. Онъ пустился догонять лошадей, здоровье которыхъ было ввѣрено

его надзору и было для него дороже всего на свѣтѣ, я старался не отставать отъ него изъ чувства товарищества. Не всегда дурной, но иногда и хорошей примѣрь бываетъ заразителенъ. Несмотря на грядки и гаюлиновые стебли, торчавшіе изъ земли, какъ колья, мы бѣжали съ невѣроятной скоростью. Снаряды, лопавшіеся за нами вдогонку, подбодряли насъ и придавали необыкновенную легкость нашимъ ногамъ. Докторъ прыгалъ черезъ грядки, какъ горная лань. Глядя на насъ, можно было съ увѣренностью сказать, что ни одна шимоза насъ не догонитъ...

Но, повидимому, японцы рѣшили насъ погубить. Надъ нами разорвалась цѣлая куча снарядовъ, пущенныхъ залпомъ. Одинъ ударъ, страшно звонкій, треснулъ со всѣмъ близко надъ нашими головами. Такой *звонкій* и *рыскій* разрывъ шрапнели*) услышать и остаться цѣлымъ — рѣдко кому удастся. Почти одновременно съ разрывомъ слышно было, какъ на землю шлепнулись пули, которыхъ, должно быть, было не менѣе двухсотъ. Докторъ, бывшій впереди меня въ это мгновеніе, низко нагнулся къ землѣ, и нѣсколько секундъ казалось, что онъ бѣжитъ на четверенькахъ, слѣдуя примѣру своихъ четвероногихъ кліентовъ. Въ то же время солдатъ, бѣжавшій впереди меня, упалъ. Я думалъ, что онъ споткнулся, но потомъ оказалось, что онъ убитъ на мѣстѣ пульей въ голову. Другой въ сторонѣ тоже упалъ, но потомъ поднялся и побѣжалъ. Онъ былъ раненъ въ ногу. Одинъ зарядный ящикъ остановился потому, что была убита одна изъ лошадей.

Мы достигли, наконецъ, громадной сосны, стоящей поодаль кладбищенской роши, съ толстымъ стволомъ въ два обхвата. Докторъ въ изнеможеніи опустился подъ нимъ на землю.

— Чертъ ихъ побори! — съ гнѣвомъ произнесъ онъ.
— Кого?

Церковь на позиціи 4 сибирскаго корпуса подъ обстрѣломъ у дер. Эрдагоу.

По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

— Конечно, японцевъ... Изъ-за нихъ я брюки разорвалъ...

— Сами виноваты: зачѣмъ бѣжали...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоверіемъ и сталъ доказывать, что его долгъ не въ томъ, чтобы подвергать себя смертельной опасности, потому что его жизнь нужна для общества. «Собственно, не для общества, а не такъ выразился, потому что я ветеринаръ...» — прибавилъ онъ скромно и замолкъ.

Снаряды сюда уже не долетали, но поляна впереди продолжала обстрѣливаться. Зарядные ящики остановились недалеко отъ насъ.

Мимо по полю въ это время проходило нѣсколько плѣнныхъ японцевъ подъ

На отдыхъ у землянокъ. Чтеніе газеты. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

*) Высокій разрывъ шрапнели имѣетъ, обыкновенно, красивый, округленный звукъ, похожій на лопнувшую ракету, во гораздо сильѣе ея.

1) Подполковник А. Н. Адариди (контужень). 2) Подполк. К. И. Кучукъ (ранень). 3) Капитанъ С. А. Богдановскій (убить). 4) Кап. И. Ю. Броерскій (контужень и ранень). 5) Кап. Л. И. Олешковичъ (ранень). 6) Кап. М. С. Подгурскій (контужень и ранень). 7) Кап. Н. Л. Даниленко (ранень). 8) Кап. А. М. Миглевскій (контужень и ранень). 9) Кап. Н. П. Михайловъ (ранень). 10) Кап. С. А. Глинскій (контужень и ранень). 11) Кап. И. Г. Вагель (ранень). 12) Подпункъ К. Н. Крыловъ (контужень и ранень). 13) Пор. В. I. Обухъ (контужень и ранень). 14) Кап. А. И. Ав. Бевъ (убить). 15) Шт.-кап. С. В. Адамовичъ (ранень). 16) Шт.-кап. А. И. Орловъ (контужень и ранень). 17) Подпор. С. И. Воскресенскій (ранень). 18) Кап. К. С. Трудовъ (ранень). 19) Подпор. И. К. Мумъ (контужень). 20) Пор. А. Ф. Порохня (убить). 21) Пор. М. И. Фомичевъ (контужень и ранень). 22) Шт.-кап. С. Ф. Филоновъ (контужень и ранень). 23) Пор. Э. С. Юдно (ранень). 24) Подпор. Г. М. Луженскій (контужень).

98-й пѣхотный Юрьевскій полкъ, особенно пострадавшій въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ. (Убито, ранено, контужено и пропало безъ вѣсти свыше 50 офицеровъ).

конвоем двух солдат. Мы подошли поближе к ним. Тут был японский офицер, очень маленького роста, с черными усиками и весьма строгим и деловым выражением лица. Он, впрочем, потерял свою шинель, потому что был в одном черном сюртуке с узеньким меховым воротником, наподобие поддельного котика.

Я ему предложил папиросу. Он поблагодарил, сдвинул под козырек. Одному из солдат я протянул кусок шоколада, но он деликатно отказался и знаками объяснил, что он предпочел бы папиросу. Я дал каждому солдату по штук и протянул зажженную спичку, но они глазами объяснили, что в присутствии офицера они курить не решаются. Тот это понял, но разрешения закурить им все-таки не дал.

Кстати несколько слов о зимней одежде японцев. Большинство в широких шинелях, в род халатов, желтовато-серого цвета. Издали они мало отличаются от наших шинелей и в особенности полушубков. Халаты с воротниками длиной шерсти довольно теплыми.

Под халатом, но сверх мундира, нечто в род жилета или безрукавки на меху. Брюки собраны ниже колен, а дальше на ногах теплые галоши или напернутая в несколько рядов тесьма и, наконец, башмаки. Между пальцем ног они кладут вату, что очень согревает ноги. На головах фуражки, черные и светлые, с красным околышем у гвардейцев и желтым у армейцев. Вместо нашей кокарды у звязочка. Поверх фуражек теплые шлемы. Кроме рукавиц, висящих на шнурке—теплые перчатки. Меховой воротник шинели, будучи поднят, наглухо застегивается клапаном.

Пока мы сидели под деревом, канонада на фронте стала усиливаться, особенно на правом фланге всего отряда, где должен был находиться полковник Запольский, который, как говорили утром, запоздал. На левом фланге, т.е. к югу, по направлению к дереву Юхуантунь, т.е. верстах в семи, где должна была находиться 9 дивизия, входящая в состав 1 корпуса, доносились частые орудийные выстрелы. Хотя огонь и усиливался, но положение наших батарей оставалось все то же. Неприятельская деревня держалась крепко.

Артиллерийский огонь с их стороны показывал, что число их батарей увеличивается...

Надо было посмотреть, что делается у наших. Доктор стал меня уговаривать остаться, соблазняя стаканом чаю под развесистой сосной, но в это время на позицию проходила рота какого-то полка, и я поспешил за нею.

Гунджунинь
4-го апреля

В. Табуринь.

За Путиловской сопкой. Неразорвавшийся снаряд 11-дюймового осадного орудия; правее (у левой ноги солдата) японская шрапнель (одинаковой величины с шимозой)

По фот. авт. «Нивы».

Вампирь. (Рис. на стр. 364).

В настоящем № «Нивы» наши читатели найдут эффектный рисунок художника А. Эберлинга, иллюстрирующий одну из сцен романа Брем-Стокера: «Вампирь».

Роман этот принадлежит к числу произведений чисто-фантастических, от которых влет сказочными ужасами и таинственными преданиями, живущими в душе каждого народа. В то же время, по словам автора, роман его представляет собою «необычайно смелую попытку проникнуть в область таинственного», и автор относится к изображаемому им фантастическим ужасам вполне серьезно, пытается даже обосновать их, если не с естественно-научной, то хотя бы с философской точки зрения.

В основу романа положено известное поверье о духах-вампирах, которые принимают разные образы и по ночам высасывают кровь у спящих людей. В романе поверье это развивается и дополняется еще тем, что такие вампиры превращают своих жертв в вампиров же, как бы отравляя их своим ядом, и съют таким образом заразу во всем мире живых существ. Отравленные люди-вампиры превращаются в нечто «немертвое» и это таинственное «немертвое», хотя и имеет вид трупа и лежит в могиле, но по ночам встает из могилы и пьет кровь у живых людей.

Уничтожить вампира можно только, обрубив у него голову и вбив в сердце коль.

Главный герой романа, тот самый «вампирь», именем которого озаглавлен роман—нбкий транильванский граф. Он живет у себя в замке а затем переселяется в Лондон. В течение нескольких сотен лет граф живет таинственной жизнью «немертвого» существа: днем спит в гробу, а по ночам принимает вид живого человека, вступает с людьми в разные житейские отношения и излавливает для себя жертвы. Между прочим он залучил к себе в замок молодого англичанина, Гаркера, и тот еле-еле спасся из замка. Затем граф стал преследовать жену Гаркера и ее подругу и добился того, что превра-

Отступление с позиций на р. Шахэ. По фот. авт. «Нивы»

тиль въ «немертвое» эту последнюю и стала уже губить и жену Гаркера. Но против козней графа выступили друзья Гаркера и въ числѣ ихъ нѣкій голландскій профессоръ, Фанъ-Гельзингъ. Путемъ долгихъ преслѣдованій и послѣ всевозможныхъ хлопотъ и ужасовъ, имъ, наконецъ, удалось поймать трансильванскаго графа-вампира и отрѣзать ему голову. При этомъ тѣло вампира разсыпалось въ пыль— и мѣръ былъ освобожденъ отъ этого чудовища.

Рисунокъ г. Эберлинга изображаетъ одинъ изъ моментовъ той эпохи романа, когда профессоръ Фанъ-Гельзингъ и докторъ Сьюардъ лѣчатъ умирающую отъ укусовъ вампира подружку жены Гаркера, миссъ Люси Уэстенра, а таинственный вампиръ всякими кознями мѣшаетъ имъ въ этомъ. Такъ, однажды онъ отравилъ опиумомъ всю прислугу, и Фанъ-Гельзингъ и Сьюардъ, войдя въ домъ Люси, застали тамъ лежащихъ на полу горничныхъ. Эта сцена и изображена художникомъ А. Эберлингомъ.

При всей своей фантастичности и сказочности, романъ Бремъ-Стоокера читается съ серьезнымъ интересомъ. Ужъ очень убѣдительно и обстоятельно рассказываетъ о вампирѣ авторъ.

Афродита. (Рис. на стр. 368).

Изящная картина художника Брайтонъ-Ривьера даетъ яркій мнѳологическій образъ любви—той любви, которая подчиняетъ своему могуществу все живущее въ мѣрѣ и покоряетъ своими чарами не только людей, но и звѣриное царство. Афродита, рожденная нѣкогда изъ пѣны морской и вступившая въ бракъ съ богомъ подземнаго скрытаго огня, Плутономъ, соединила въ своихъ чарахъ нѣжную прелесть бѣлоснѣжной пѣны моря и шопота морскихъ волнъ съ глубокой и тайною огненной страстью, двигающей горами, и оттого-то такъ велика и повсемѣстна ея власть. Ея посланники, ея вѣстники—бѣлые голубки, и къ нимъ она обращается со своими порученіями и посылаетъ ихъ къ избранникамъ своего вниманія. Таковъ поэтическій образъ любви, символически изображенный на картинѣ англійскаго художника.

Д. Д. Покотиловъ.

(Портр. на этой стр.).

14 апрѣля состоялся Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату о назначеніи новаго чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра въ Пекинъ, на мѣсто покойнаго Н. М. Лессара: должность эта возложена на чиновника особыхъ порученій министерства финансовъ Д. Д. Покотилова.

Д. Д. Покотиловъ началъ свою дипломатическую карьеру въ 1887 году, поступивъ на службу въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Затѣмъ, въ теченіе 6 лѣтъ, онъ состоялъ при нашей миссіи въ Пекинѣ, гдѣ и приобрѣлъ обширныя познанія въ дѣлахъ Дальняго Востока.

Возвратившись въ С.-Петербургъ на службу въ центральный учрежденіи, Д. Д. въ 1894 году былъ приглашенъ на службу по министерству финансовъ.

Въ то время, по окончаніи русско-китайской войны, Россія сблизилась съ Китаемъ и вступила съ нимъ въ плѣтый рядъ договорныхъ отношеній (учрежденіе Русско-Китайскаго банка, аренда Квантунской области, концессія на постройку Восточно-Китайской ж. д. и пр.). Всѣ эти сношенія производились при ближайшемъ участіи Д. Д. Покотилова. Черезъ него же велись переговоры съ знаменитымъ Ли-Хунгъ-Чагомъ и другими сановниками богдыхана, и такимъ образомъ, Д. Д. Покотиловъ имѣлъ возможность близко познако-

миться съ характеромъ китайской дипломатіи и съ ея личнымъ составомъ.

Всѣ эти обстоятельства позволяютъ надѣяться, что въ лицѣ Д. Д. Покотилова наше дипломатическое вѣдомство приобретаетъ хорошо освѣдомленнаго и опытнаго дѣятеля, который съ честью будетъ занимать ответственнѣйшій и важный постъ русскаго посланника въ Китаѣ.

Протоіерей В. Ф. Судаковъ.

(Портр. на стр. 379).

Въ настоящее время все рѣже и рѣже можно встрѣтить славныхъ свидѣтелей и очевидцевъ севастопольской обороны и кавказской войны: одинъ за другимъ уходятъ они за грань небытія, оставляя по себѣ скоро забывающіяся воспоминанія. И поэтому слѣдуетъ особо отмѣчать этихъ немногихъ представителей минувшей эпохи и стараться какъ можно крепче запечатлѣть память о нихъ.

Въ г. Люблинѣ мѣстное общество и стоящій тамъ 69 пѣхотный Рязанскій полкъ чествовали 50-лѣтній юбилей священства протоіерей Василія Филипповича Судакова—священника упомянутаго полка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ветерана и очевидца кампаніи 1856 г. и кавказской войны. Такъ какъ юбиляръ пользуется всеобщей любовью и уваженіемъ, то и вынавший на его долю рѣдкій праздникъ 50-лѣтія его священнической службы былъ проведенъ его почитателями съ большою сердечностью и задушевностью.

В. Ф. Судаковъ родился въ 1830 году; образованіе свое онъ получилъ въ Новгородской духовной семинаріи и, по окончаніи курса въ ней, былъ посвященъ въ 1855 году въ священники.

Службу свою о. Судаковъ началъ въ Рязанскомъ полку во время Крымской кампаніи. Полкъ этотъ находился тогда въ Финляндіи, а затѣмъ былъ переведенъ на Кавказъ и принялъ участіе въ войнѣ съ кавказскими горами и въ завоеваніи Кавказа.

В. Ф. Судаковъ въ теченіе всей войны священствовалъ въ полку и сопровождалъ его во всѣхъ походахъ и экспедиціяхъ. Съ полкомъ онъ прошелъ даже Турцію и по окончаніи кампаніи былъ переведенъ изъ Адрианополя въ Привислянскій край, гдѣ служилъ все въ томъ же Рязанскомъ полку и донынѣ. Сверхъ того, о. Судаковъ состоитъ съ 1869 года благочиннымъ 18 пѣхотной дивизіи.

Въ день юбилея все духовенство г. Люблина въ полномъ своемъ составѣ чествовало юбиляра поднесеніемъ ему иконы. 18 дивизія поднесла своему благочинному драгоценный крестъ, а всѣ знакомые и сослуживцы В. Ф. Судакова необычайно тепло и радушно привѣтствовали его въ этотъ торжественный для маститаго священника-ветерана день.

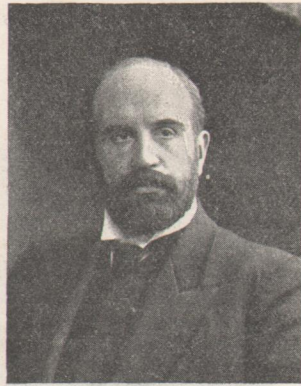
Комиссія по улучшенію быта рабочихъ военнаго вѣдомства.

(Рис. на стр. 379)

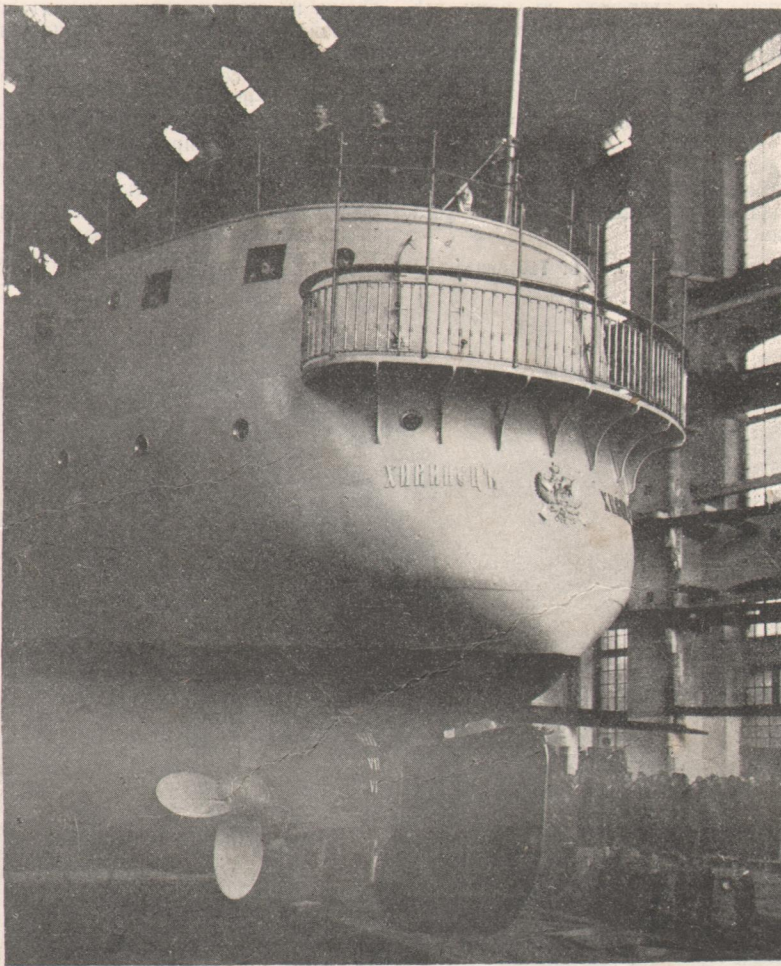
Въ настоящее время, когда рабочій вопросъ такъ назрѣлъ въ Россіи и такъ властно захватилъ наше вниманіе, считаемъ не лишнимъ ознакомить нашихъ читателей съ дѣятельностью особой спеціальной комиссіи, которая еще задолго до нынѣшняго времени взяла на себя трудъ

разрѣшить весьма щекотливые вопросы положенія и быта рабочихъ и при томъ разрѣшить ихъ на самыхъ современныхъ и рациональныхъ основаніяхъ.

И правда, въ сферу разсмотрѣнія этой комиссіи вошли не всѣ вообще русскіе рабочіе, но лишь рабочіе военнаго вѣдомства. Но

Д. Д. Покотиловъ, назначенный чрезвычайнымъ посланникомъ въ Пекинъ. По фот. авт. «Нивы».

Канонерская лодка „Хивинецъ“, спущенная на воду 28 апрѣля с. г. изъ Новаго Адмиралтейства въ Петербургѣ. Въ эллипсѣ передъ спускомъ.

По фот. К. Булла авт. «Нивы».

недаром пословица говорит: «лиха бѣда—починь», важно начать каюде-либо крупное дѣло, хотя бы съ одного конца, а потомъ оно пойдетъ шире и дальше.

Комиссія, о которой идетъ рѣчь, образовалась въ октябрѣ 1902 года и возникла по инициативѣ тогдашняго военнаго министра А. Н. Куропаткина. Заботясь объ улучшеніи матеріальнаго положенія и быта казенныхъ и вольнонаемныхъ рабочихъ на разныхъ заводахъ и въ мастерскихъ военнаго вѣдомства, А. Н. Куропаткинъ призналъ, что для достиженія этой цѣли было бы необходимо установить для всѣхъ (по возможности) рабочихъ 8-часовой рабочей день, озаботиться улучшеніемъ жилищъ и питанія рабочихъ, доставить имъ врачебную помощь, средства къ обученію дѣтей и самообразованію и улучшить заработокъ рабочихъ, а также обезпечить ихъ какими-либо мѣрами на случай старости или инвалидности.

Для обсужденія всего этого и была образована упомянутая комиссія, получившая названіе «комиссія по улучшенію быта рабочихъ военнаго вѣдомства» и удостоившаяся 26 октября 1902 года Высочайшаго утвержденія. Предсѣдателемъ ея былъ назначенъ генералъ-майоръ Я. К. Поповъ, а въ качествѣ членовъ—представители различныхъ учреждений военнаго министерства: В. И. Руденковъ, А. А. Пѣвцовъ, В. В. Тавашерна, В. І. Ракинъ, В. А. Кухарскій, Е. К. Лаврентьевъ, И. А. Взоровъ и Н. М. Лисовскій.

Душою комиссії былъ самъ предсѣдатель, который за время своего долготѣнаго завѣдыванія крупными заводами хорошо ознакомился съ бытомъ рабочихъ и съ ихъ нуждами. Комиссія рассмотрѣла слѣдующіе вопросы:

1) О сокращеніи рабочаго дня (8 и 10-часовой рабочей день), 2) о медицинской помощи для рабочихъ, 3) о способахъ нормировки заработной платы, 4) о потребительныхъ обществахъ, сберегательныхъ кассахъ и пр., 5) о пособіяхъ и пенсіяхъ и 6) о школахъ, библіотекахъ и о средствахъ къ самообразованію рабочихъ. Кроме того, комиссія указала способы заявленія рабочими общихъ ходатайствъ и опредѣлила тѣ взаимныя отношенія между начальствомъ и рабочею массою, которыя обезпечиваютъ воспитаніе въ рабочихъ чувства законности и порядка.

Къ февралю 1905 года комиссія уже собрала богатый матеріалъ и представила военному министру всѣ свои заключенія и общій обзоръ своей дѣятельности. Всѣ труды комиссії печатаются, и въ скоромъ времени предстоитъ обсужденіе ихъ въ высшихъ правительственныхъ инстанціяхъ.

Такимъ образомъ, благодаря прекрасной идеѣ А. Н. Куропаткина, военное вѣдомство близко подошло къ справедливому и рациональному разрѣшенію одного изъ важнѣйшихъ народныхъ вопросовъ и подало первый примѣръ въ Россіи для самаго широкаго признанія правъ рабочихъ. Достаточно сказать, что оно признало необходимость установленія 8-часоваго рабочаго дня.

Всѣ постановленія комиссії проникнуты гуманнымъ духомъ помощи и содѣйствія рабочимъ въ ихъ нуждахъ и пришлось теперь, какъ нельзя болѣе, по времени. Комиссія словно предугадала, что рабочій вопросъ въ скоромъ времени выдвинется на сцену въ рѣзкой и острой формѣ, и приняла всѣ мѣры, чтобы удовлетворить назрѣвшимъ потребностямъ рабочихъ массъ.

Дай Богъ, чтобы ея добрыя начинанія были съ успѣхомъ проведены въ жизнь, и дай Богъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ возникли новыя, болѣе легкія и свѣтлыя условія быта и для остальной рабочей массы въ государствѣ!

І. І. Новицкій. (Портр. на стр. 380).

Въ министерствѣ финансовъ имѣется особое весьма важное вѣдомство, сосредоточивающее въ себѣ руководство одною изъ главнѣйшихъ доходныхъ статей государства—питейною монополіей.

Вѣдомство это—главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. Насколько важны въ финансовой жизни государства функціи этого управленія, можно судить уже по той громадной цифрѣ сборовъ, которыми оно распоряжается. Такъ, согласно послѣдней росписи государственныхъ доходовъ,

эта цифра выразилась въ 728 милліонахъ рублей! Слѣдуетъ замѣтить, что въ главномъ управленіи, кромѣ завѣдыванія питейной частью, сосредоточивается также завѣдываніе и сборами съ табаку, сахара, пресованныхъ дрожжей, освѣтительныхъ маселъ и пр. Въ общемъ, главное управленіе неокладныхъ сборовъ представляетъ собою цѣлое государство, съ колоссальнымъ количествомъ служащихъ, съ сложной системой административнаго хозяйства и съ самыми разнообразными функціями.

Это сложное и обширное хозяйство получило нынче новаго хозяина: на эту должность, т. е. официально говоря, на постъ начальника главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, назначенъ членъ совѣта министра финансовъ Іосифъ Іосифовичъ Новицкій, занимавшій до послѣдняго времени должность помощника начальника главнаго управленія при товарищѣ министра финансовъ кн. А. Д. Оболенскомъ.

І. І. Новицкій родился въ 1849 году и происходитъ изъ дворянъ Орловской губерніи. Окончивъ курсъ въ Минской гимназій, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій технологическій институтъ, а по окончаніи курса въ институтъ вступилъ въ 1870 г. на государственную службу въ департаментъ неокладныхъ сборовъ.

Съ этого времени и донинѣ І. І. Новицкій уже не покидалъ министерства финансовъ, занимая въ немъ различныя должности и постепенно повышаясь по служебной лѣстницѣ. Въ 1878 году онъ представилъ въ учебный комитетъ технологическаго института диссертацию и былъ удостоенъ званія инженеръ-технолога.

Съ преобразованиемъ департамента неокладныхъ сборовъ въ главное управленіе неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей, І. І. Новицкій получилъ значительное повышеніе, а именно—былъ назначенъ членомъ совѣта по дѣламъ казенной продажи питей и членомъ технического комитета при главномъ управленіи, а вслѣдъ затѣмъ—членомъ совѣта министра финансовъ.

Въ 1901 году на І. І. Новицкаго было возложено ближайшее содѣйствіе товарищу министра финансовъ въ направленіи текущихъ дѣлъ главнаго управленія, а, спустя годъ, І. І. занялъ свою послѣднюю предъ нынѣшнимъ назначеніемъ должность помощника начальника означеннаго управленія.

І. І. Новицкій пользуется въ огромномъ штатѣ подвѣдомственныхъ ему лицъ репутаціей гуманнаго и справедливаго человѣка и прекраснаго начальника, заботящагося о нуждахъ своихъ подчиненныхъ. Что же касается его служебныхъ качествъ, то І. І. отличается огромной трудоспособностью, энергіей и знаніемъ дѣла и при своемъ многолѣтнемъ опытѣ, конечно, поставитъ вѣренную ему часть на надлежащую высоту.

Угрозы страха.

(Политическое обозрѣніе).

Еще Достоевскій замѣтилъ, что слабые и безвольные люди любятъ самыя бравурныя пьесы, тогда какъ натуры сильныя и героическія, наоборотъ, предпочитаютъ обыкновенно нѣжныя и сентиментальныя мелодіи. Мрачный каторжанинъ, зарѣзавшій десятка два жертвъ, способенъ проливать слезы, выводя визгливымъ голосомъ рулады о стонущемъ «сизомъ голубочкѣ», а мирный маленький чиновничекъ, трепещущій и передъ столоначальникомъ, и передъ тещей, взявшись за гитару, непремѣнно будетъ играть грозный воинственный маршъ. Въ этомъ отношеніи

политика имѣетъ кое-что общее съ музыкой. Въ ней тоже нерѣдко люди ищутъ и находятъ обратное отраженіе самихъ себя: воинственные народы вѣчно говорятъ о мирѣ, миролюбивые, напротивъ, всегда усиленно толкуютъ о войнѣ. Посмотрите, на примѣръ, на Англію. Она вся ушла въ крупныя промышленныя предпріятія и торговлю, въ собраніе барышей, доходовъ и процентовъ. Поскольку процвѣтанію торговли препятствуютъ военныя угрозы, она терѣтъ не можетъ войны. Изъ двухъ вѣчно соперничающихъ божествъ—Меркурія и Марса—она поклонилась первому, а изъ второго сдѣлала простого прислужника своего національнаго идола. Со времени

Протоіерей В. Ф. Судаковъ. По поводу 50-лѣтія священнослуженія.

Комиссія по улучшенію быта рабочихъ военнаго вѣдомства. По фот. Здобнова авт. «Нивы».

Ватерлоо она настоящихъ войнъ не вела, а занималась такъ-называемыми мелкими колониальными экспедиціями, покоряя силою своего оружія слабые и малочисленные народы, одерживая победы надъ безоружными неграми, индусами, тибетцами, австралийцами, арабами и проч., и проч. Само собою разумъется, что эти экспедиціи были несравненно болѣе похожи на организованные грабежи, чѣмъ на настоящія европейскія войны. Противъ сколько-нибудь сильнаго и опаснаго врага Англія, въ теченіе столѣтій, никогда не обнажала оружія, если не считать ея участія въ крымской коалиціи, для котораго вовсе не требовалось особой воинственности, судя по тому, что на него отражалась даже маленькая Сардинія. Между тѣмъ, какъ Россія, Франція и Германія за это время вынесли по нѣскольку кровопролитныхъ войнъ, одна Англія пользовалась абсолютнымъ миромъ, нарушеннымъ лишь неудачнымъ колониальнымъ эпизодомъ въ Трансваалѣ. Она не воевала, но зато многократно грозила войной. Въмѣсто того, чтобы обнажить оружіе, а тѣмъ паче пускаться въ ходъ съ рискомъ пораженія и проигрыша, она предпочитаетъ бряцать имъ передъ носомъ враговъ и нерѣдко достигаетъ такимъ путемъ огромныхъ результатовъ. Къ числу такихъ классическихъ безкровныхъ побѣдъ надо отнести знаменитый эпизодъ съ Фашодой. Попытка повторить его, по поводу столкновения въ Сѣверномъ морѣ, оказалась неудачной, но это нисколько не повліяло на прочно сложившіяся традиціи англійской дипломатіи, и въ дальнѣйшемъ теченіи русско-японской войны Англія при всякомъ удобномъ случаѣ продолжаетъ бряцать тупою саблей. Осложненія, вызванныя дутыми японскими претензіями къ Франціи за мнимое нарушеніе нейтралитета, вдохновили лорда Бальфура на чрезвычайно воинственное словоизверженіе. Смыслъ его рѣчи таковъ: Англія совершенно безопасна отъ вражескаго вторженія на своихъ островахъ, но зато уязвима въ Индіи, которую надо укрѣплять и вооружать, охраняя неприкосновенность «буфернаго» государства—Афганистана—и не позволяя русскимъ продолжать по его территоріи желѣзную колею къ англійскимъ владѣніямъ. А разъ Россія не страшна ни въ Европѣ, ни въ Азій, Англія можетъ смѣло чинить ей всякія неприятности и пугать русскую дипломатію демонстративнымъ сосредоточеніемъ въ Тихомъ океанѣ огромной эскадры и приведеніемъ въ оборонительное положеніе укрѣпленій Сингапура. Подъ давленіемъ такихъ угрозъ, Россія только и остается приказывать адмиралу Рожественскому поскорѣе уйти отъ аннамскихъ береговъ и отказаться отъ всякой мысли о культурномъ благоустройствѣ своихъ средне-азиатскихъ окраинъ, такъ какъ прокладка желѣзныхъ дорогъ черезъ Афганистанъ будетъ принята—по предупрежденію англійскаго премьера—за «начало военныхъ дѣйствій» противъ Англіи. Замѣчательно, что, стараясь напугать другихъ, Англія сама боится воображаемыхъ опасностей. Изъ превеличенной осторожности она хочетъ осудить Афганистанъ на вѣчно бездорожье и лишить наши коммерческіе грузы выхода на индійскіе рынки. По остроумному замѣчанію «Westminster Gazette», лордъ Бальфуръ мечтаетъ превратить Афганистанъ въ недоступный островъ. Но въ концѣ концовъ бороться съ опасностями иностраннаго нашествія при помощи одного только бездорожья довольно рискованно: суворовскій переходъ черезъ Альпы показалъ, что нѣтъ такихъ географическихъ препятствій, которыя не могла бы преодолѣть руководимая энергичнымъ полководцемъ армія. Остановить ея натискъ можетъ только живая защита въ лицѣ не менѣе энергичныхъ, храбрыхъ и самоотверженныхъ войскъ.

На содержаніе своей арміи Англія съ Индіей тратитъ, по вы-

численію оппозиціонной прессы, 56 милл. фунт. стерлинговъ, т. е. почти 560 милліоновъ рублей ежегодно, но повидимому мало надѣется на своихъ солдатъ, если способна бить въ бѣдѣ и обрѣивать войну при первомъ появленіи въ Афганистанѣ русскаго инженера путей сообщенія. Сама англійская армія несравненно менѣе воинственна, чѣмъ англійскія дипломатія, и, несмотря на изумительно щедрые оклады, которые даже и не снились нашимъ воителямъ, не досчитывается въ своихъ кадрахъ около 4.000 офицеровъ, полагающихся по штатамъ. Британія вѣчно грозитъ только потому, что сама въ глубинѣ души очень и очень побаивается. Опытъ показываетъ, что для нея переходъ отъ грозныхъ словъ къ дѣлу очень труденъ. Дипломатія всего міра должна хорошо знать истинную цѣну англійскихъ угрозъ. Онѣ едва ли остановятъ наши работы въ средне-азиатскихъ владѣніяхъ, тѣмъ болѣе, что только въ этомъ пунктѣ Россія имѣетъ возможность оказывать фактическое воздѣйствіе на политику великобританскаго правительства. Сознаніе нашей силы у преддверія Герата служитъ лучшимъ и чуть ли не единственнымъ залогомъ безопасности нашего флота въ Тихомъ океанѣ отъ нападенія англійскихъ эскадръ и главной охраной нашихъ интересовъ противъ вездѣущаго Альбіона.

СМѢСЬ.

Первый русскій женскій съездъ. Женское взаимно-благотворительное общество въ С.-Петербургѣ взяло на себя инициативу созыва 1-го съезда русскихъ женщинъ-дѣятельницъ по благотворительности и просвѣщенію.

Съездъ этотъ, организуемый по примѣру давно уже созываемыхъ въ Европѣ женскихъ съездовъ и международныхъ конгрессовъ, будетъ дѣйствительно первымъ у насъ въ Россіи, и является вполнѣ назрѣвшей потребностью въ виду широкаго участія женщинъ въ благотворительной и просвѣтительной дѣятельности въ городахъ и селахъ.

Всероссійскій женскій съездъ долженъ быть несомнѣнно плодотворнымъ шагомъ къ объединенію и подсчету силъ, работающих въ дѣлѣ благотворительности и образованія, и не можетъ не способствовать къ выявленію многихъ спорныхъ вопросовъ въ этой сферѣ и, быть-можетъ, наметитъ какіе-либо пути для будущаго.

Съездъ состоится въ іюнѣ 1905 года. Членами его могутъ быть только женщины и притомъ только члены женскаго взаимно-благотворительнаго общества, а также члены съѣздовъ и правленій другихъ обществъ, преслѣдующихъ цѣли благотворительности и просвѣщенія. Членскій взносъ—не менѣе 5 рублей. Желающіе записаться въ члены съезда могутъ обращаться въ помѣщеніе женскаго общества (СПБ., Спасская, 18) и къ слѣдующимъ лицамъ: А. Н. Шабановой—ул. Жуковскаго, 38; М. Н. Бубновой—В. О., 4-я линія, д. 5; О. А. Шапиръ—Бассейная, 29; Е. Д. Андреевой—Лиговская, 3; И. Д. Познанской—Невскій пр., 79 и А. Н. Засодимской—Сергійская, 79.

Программа съезда распадается на 2 отдѣла: 1) благотворительность и 2) просвѣтительная дѣятельность. Въ оба эти отдѣла включено множество очень важныхъ и интересныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, попеченіе о женщинахъ и дѣтяхъ, участіе женщинъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, охраненіе здоровья женщинъ, помощь учащимся женщинамъ, роль женщины въ воспитаніи дѣтей, домашнемъ и школьномъ, дѣятельность женщинъ въ распространеніи грамотности и т. д.

Нельзя не привѣтствовать этотъ добрый починъ среди нашихъ женщинъ и не пожелать ему полного успѣха. Несомнѣнно, что этотъ съездъ будетъ имѣть помимо своей практической пользы и крупное общественное значеніе.

И. И. Новицкій, новый начальникъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей.

По фот. авт. «Нивы».

Пожертвованія.

Съ 1-го по 30-е апрѣля включительно прислали въ редакцію пожертвованія: **Въ пользу защитниковъ Портъ-Артура:** причитъ и приложеніе Николаевской ц. с. Киселевки, Черн. г. 20 р.; А. С. Рязановъ 1 р.; А. Д. Ясенова 30 к. **Въ пользу военнопленныхъ въ Японіи:** М. И. Туркиевичъ 12 р.; служажіе купца В. С. Башахина 3 р. **Въ пользу раненыхъ:** П. В. Семиладновъ 5 р.; разныя лица-жители стан. и пос. Рябучевской, Орен. г. 4 р.; Н. И. Пихидобровскій 3 р.; по 1 р.: П. Сахаровъ, братья Р., Н., П. и А. Естатъяновы; подписчика М. Г. 50 к.; А. Д. Ясенова 30 к.

Въ пользу вдовъ и сиротъ: Е. А. Ивановъ 10 р.; П. Львовъ 3 р.; А. С. Рязановъ 1 р.; Н. Х. Квасницкая 50 к.; А. Д. Ясенова 30 к.

На нужды дѣйствующей арміи: Е. К. М. 5 р.; ученики и учитель Мостиской шк. 1 р. 5 к.; М. В. А. 1 р.; ученики Мало-Низгурецкой шк. 50 к.; А. Д. Ясенова 30 к.

На усиленіе флота: М. В. А. 1 р.; Костряковъ 50 к.; А. Д. Ясенова 30 к. Итого 75 р. 55 к., а съ прежде поступившими 19.225 р. 50 к.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Волченковъ. Повесть П. П. Гнѣдича. (Продолженіе).—Изъ «Книги жизни». Стихъ В. Мазуревича.—На войнѣ. (Отъ нашего спеціального корреспондента).—Вампиръ.—Афродита.—Д. Д. Покотиловъ.—В. Ф. Судаковъ.—Комиссія по улучшенію быта рабочихъ военнаго вѣдомства.—И. И. Новицкій.—Угрозы страха. (Политическое обозрѣніе).—Смѣсь.—Пожертвованія.—Объявленія.

РИСУНКИ: Норосница.—Сцена изъ романа Брема-Стоокера «Вампиръ».—Веселыя читательницы.—Афродита.—Развѣдчики.—Генераль Каульбарсъ награждаетъ во время боя отличившихся георгиевскими крестами у дер. Юхантуноу.—Генераль Каульбарсъ наблюдаетъ за боемъ съ башни Хауха.—Мукденскій бой. 1) Раненые на арбахъ. 2) Раненые пѣшкомъ. 3) Раненые на арбахъ. 4) Раненые на носилкахъ.—Взятые въ плѣнъ китайскіе солдаты, состоящіе на японской службѣ.—У кумирни. Китайцы, смотрящіе на проходящія войска.—Станція Фушунъ (Фушунскія копи). Персоналъ служащихъ на станціи.—Мукденскій бой. 1-й полкъ у Императорскихъ могилъ.—Свиданіе генерала Куропаткина съ генераломъ Каульбарсомъ у дер. Юхантуноу 22 февраля.—Раненый генераль Мищенко, его супруга А. А. Мищенко и его ординарецъ В. И. Копейшилинъ.—55-й Подольскій полкъ на пути къ позиціямъ.—Осадная мортирная батарея передъ боемъ.—Пржектель на позиціяхъ.—Церковь на осаднѣ 4 сибирскаго корпуса подъ обстрѣломъ у дер. Эрдаговъ.—На отдыхѣ у землянокъ.—98-й пѣхотный Юрьевскій полкъ, особенно пострадавшій въ послѣднихъ бояхъ подъ Мукденомъ.—За Путиловскою солкой. Неразорвавшійся снарядъ 11-дюймоваго осаднаго орудія.—Отступленіе съ позицій на р. Шахъ.—Д. Д. Покотиловъ.—Канонерская лодка «Хивинецъ», слущенная на воду 28 апрѣля с. г. изъ Новаго Адмиралтейства въ Петербургѣ.—В. Ф. Судаковъ.—Комиссія по улучшенію быта рабочихъ военнаго вѣдомства.—И. И. Новицкій.

Къ этому № прилагается: «Полнаго собранія сочиненій А. Н. Шеллера-Михайлова» книга 30.

За издателя Л. Ф. Марксъ.

За редактора В. Я. Свѣтловъ.

